

Полина Амор

Истинная для двух Альф

<https://litres.ru/74242959>

Аннотация

Всю жизнь я искала правду о своих родителях, бросивших меня в младенчестве. Поиски привели меня к общине настоящих оборотней и открыли мне правду - я истинная невеста Альф, будущая королева клана.

Моя новая община собирается выдать меня замуж за двоих братьев - наследников власти. За двоих Альф – опасных, жестоких мужчин. Тот, кто первый из них подарит мне ребенка, станет лидером всего клана.

Однако, что делать, если оба не хотят отпускать ни власть ни меня?

В тексте будут #Очень откровенные сцены #Возможен мат, неидеальные герои #Магия, тайны, любовь

В тексте не будет #Плохого финала #Жести

Содержание

Глава 1. «Вкусно пахнешь»	4
Глава 2. «Ваша блудная шавка»	15
Глава 3. «Ты не уйдёшь, пока не узнаешь»	26
Глава 4. «Он смотрел так, будто уже раздел меня»	37
Глава 5. «Я не вещь для вашего ритуала»	49
Глава 6. «Её зверь просыпается»	60
Глава 7. «Между двумя огнями»	74
Глава 8. «Три дня до луны»	86
Глава 9. «Кровь, обнажение, пробуждение»	112
Глава 10. «После»	130
Глава 11. «Если мы начнём... то не остановимся»	158
Глава 12 "Это было романтично"	165
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Глава 1. «Вкусно пахнешь»

Пролог

Я сама могла выбрать, каким был бы для меня тот вечер. И сделала наихудший выбор. Хотя и тот, что действительно ответил на вопрос, мучавший меня с детства:

Кто я?

Хорошо помню тот день: солнце ещё в зените, светит тускло сквозь пыльное окно придорожного кафе у чёрта на куличках. Помню запах кофе — он бьёт мне в нос и заставляет взбодриться после бессонной ночи в автобусе. Тело затекло, шея ноет, а в голове каша из обрывков тревожного полусна, в который я то и дело проваливалась под гул мотора.

Помню запах острой выпечки, которую решила не брать, ограничившись сладким пирожком с вишнёвым джемом. Он сейчас растёкся по моим губам липкой сладостью, и я слизываю его кончиком языка, не задумываясь.

И именно в этот момент сталкиваюсь взглядом с мужчиной.

Точнее — с мужчинами. И делаю вид, что их не замечаю. Двое сидят у стола, отдалённого от других. Сразу видно — они имеют здесь особое положение. Никто к ним не подсаживается. Официантка обходит их столик первым, хотя я жду свой кофе уже десять минут. Ещё когда я только вошла, заметила, как они синхронно подняли головы и посмотрели

на меня.

Синхронно. Как два зверя, учувших добычу.

Во взгляде первого — светловолосого, с большими серыми глазами и мощной фигурой — виден интерес. Спокойное, тягучее любопытство. Так смотрят на редкую вещь, которую нашли случайно и теперь не торопясь решают — забрать или нет.

А по взгляду второго — тёмноволосого, с резкими скулами и ленивой хищной улыбкой — видно, что он уже знает, как бы поимел меня на этом же столе. Причём не стеснясь свидетелей.

Не могу сказать, что не видела таких взглядов раньше. Достаточно их насмотрелась, пока жила в общежитиях и моталась по съёмным углам. Но именно от этого мужчины — тёмного — стало не по себе. Слишком много в нём силы, опасности, уверенности. Той особенной уверенности, которая не показная. Которая в крови.

Такие, если чего-то хотят, — получают.

От таких надо прятаться. Или хотя бы делать вид, что не видишь их. Но это невозможно, когда двое мужчин смотрят на тебя через всё кафе, и воздух между нами будто становится плотнее.

Слегка тушуюсь. Опускаю глаза в тарелку. Думаю о том, что мои джинсы, наверное, слишком облегающие. Что футболка выцвела на груди и стала почти прозрачной на свету. Но другой дорожной одежды, чтобы проехать на автобусах

половину страны, у меня нет.

Ладно. Просто перекушу и пойду. Мне предстоит явно сложный разговор — о моём же прошлом.

Я росла в системе. Детдом, потом приёмная семья, потом снова детдом — как мячик, от стены к стене. К восемнадцати годам у меня не было ни семьи, ни корней, ни даже внятного свидетельства о рождении. Мать — неизвестна. Отец — прочерк. Место рождения — какая-то деревня, которой нет ни на одной карте.

Единственное, что у меня было — это родимое пятно на левом боку, чуть ниже рёбер. Странной формы: не круглое, не бесформенное, а будто бы нарисованное. Два полумесяца, сцепленных друг с другом.

И ещё было письмо.

Мне его передали в день совершеннолетия. Конверт без адреса, без штампа. Внутри — листок, исписанный незнакомым крупным почерком. «Когда будешь готова узнать — найди Зару. Старая дорога, сорок километров от Черноречья, дом у озера. Она знает, кто ты.»

Пять лет это письмо пролежало на дне моей сумки. Пять лет я его перечитывала, складывала обратно и говорила себе: не сейчас. Мне было страшно. Не того, что узнаю что-то плохое, а того, что не узнаю ничего. Что приеду — а там пустой дом. Или старуха, которая посмеётся мне в лицо.

Но месяц назад что-то изменилось. Родимое пятно стало гореть. Не сильно, не больно — просто тепло, иногда жар,

как будто кто-то прикладывает к коже нагретую монету. Но-
чами я просыпалась и прижимала к нему ладонь, и мне ка-
залось — оно пульсирует. Зовёт.

И я наконец послушалась.

Собрала сумку, села на автобус и поехала искать Зару. По-
ехала искать себя.

...Но сначала — кафе. И эти двое.

Я пытаюсь встать и уйти к выходу, но тёмный оказывается
быстрее. Он возникает рядом — не подходит, а именно воз-
никает, будто воздух расступается — и отрезает мне путь.
Спиной к залу, лицом ко мне. Прижимает к стене — не гру-
бо, но так, что я чувствую тепло его тела всей кожей.

Его рука скользит вдоль моего бедра — пальцы чуть сжи-
маются на ягодице, и я задыхаюсь — а потом он ныряет в
задний карман и достаёт телефон.

Всё это время он смотрит мне в глаза. Не моргая. Тёмные,
почти чёрные радужки. Зрачки — огромные.

— Вкусно пахнешь, — шепчет он. Так близко, что его гу-
бы почти касаются моего уха.

Второй стоит рядом и наблюдает. Нет, мне показалось, что
он добрый. Просто в отличие от тёмного, своих демонов дер-
жит на поводке.

Это не значит, что он не готов спустить их прямо сейчас.

Мне страшно. Мне стыдно. Но от одного его голоса, от
жара его тела так близко — во мне поднимается что-то тём-
ное, тягучее, похожее на то ощущение, когда в юности слу-

чайно натыкалась на эротическую сцену в фильме и не могла переключить канал. Не потому что хотела смотреть. А потому что тело не слушалось.

Я превращаюсь в один сплошной нерв. Страх, возбуждение, стыд — всё одновременно. Трясусь как осенний листочек. И при этом какая-то часть меня — тёмная, незнакомая, голодная — подаётся вперёд, ближе к этому огромному телу.

И в этот момент — боль.

Резкая, обжигающая. Будто к коже приложили раскалённое клеймо. Прямо там, слева, под рёбрами. Моё родимое пятно горит. Не тёплой монеткой, как по ночам, а огнём.

Я стискиваю зубы и замираю. Мужчина замечает — чуть отстраняется, и боль тут же стихает. Превращается в ровное горячее гудение под кожей.

Он смотрит на меня. Уже без ухмылки. Что-то мелькает в его лице — удивление? Узнавание?

Но он ничего не говорит. Просто вальяжно открывает мой старомодный телефон-раскладушку — да, на смартфон денег никогда не хватало — и набирает какие-то цифры.

— Я... мне надо идти, — прошу я. Голос сиплый, чужой. — Пожалуйста, отпустите.

— Я понимаю, детка, поэтому просто оставляю себе вызов, — он улыбается. И когда в его кармане звонит телефон, усмехается довольно.

— Всё.

Он снова прижимает меня к стене. Одна рука — у моей

головы, вторая — возвращает телефон в мой карман. И снова эта намеренная медлительность, и снова его пальцы задерживаются на моём бедре на секунду дольше, чем нужно.

— Иди, девочка, гуляй. Когда надо будет — созвонимся. Он отступает. Светлый тоже. Проход свободен.

Я могу просто поменять номер. Могу выбросить телефон. Могу сделать вид, что ничего не было.

Но я просто киваю и ухожу. Быстро. Почти бегу. Ноги подкашиваются, сердце стучит где-то в горле, а родимое пятно пульсирует тёплым, настойчивым ритмом.

Как второе сердцебиение.

Через час я дохожу до нужного места. Прямо радует, что Зара прислала подробнейшую инструкцию — потому что в такую глубинку ни один автобус не ходит. Просёлочная дорога петляет через поле, потом ныряет в редкий лесок, и наконец выводит к озеру.

Дом маленький. Деревянный, потемневший от времени, с покосившимся крыльцом и геранью в горшках на подоконниках. Пахнет дымом, травой и сырой землёй.

Стучу. Пока жду, осматриваюсь. С одной стороны — прекрасно жить на природе. Тишина, воздух, закаты над водой. С другой стороны — ощущение такое, что время здесь остановилось. Или спряталось.

Дверь открывается. Передо мной — низкорослая, смуглая, иссушенная старуха. Лицо в морщинах, но глаза — живые, цепкие, чёрные. Она оглядывает меня с ног до головы.

Долго.

— Мирослава? — спрашивает скрипучим голосом.

— Да. — Киваю.

— Заходи.

Переступаю порог. Почему-то ожидала увидеть бардак, бутылки, что-нибудь мрачное. Но нет. Внутри чисто, уютно, тепло. На всех стенах сушатся пучки трав — я узнаю лаванду, полынь, чабрец. Остальные мне незнакомы.

— Вы травница? — спрашиваю, чтобы быть вежливой.

Старуха не отвечает. Только за её спиной я замечаю вторую женщину — молодую, может чуть старше меня. Темноволосая, красивая, с пустым лицом.

Она заходит мне за спину.

Я успеваю подумать: «Зачем она—»

Удар. Тяжёлый, глухой. По затылку.

Мир дёргается, как кадр сломанной плёнки.

Тьма.

Прихожу в себя от горького, резкого запаха. Кто-то держит у моего носа пучок травы, и я отшатываюсь, давлюсь кашлем.

— Какого чёрта ты её ударила, дурында? Надо было напоить же! — голос старухи. Злой, но скорее раздражённый, чем встревоженный.

— Так быстрее, — отвечает молодая.

Голова раскалывается. Мир плывёт. Опускаю глаза — руки в наручниках. Настоящих, металлических наручниках,

холодных и тесных на запястьях.

— Что вы от меня хотите? — Мой голос звучит жалко.

Старуха наклоняется ко мне. Её чёрные глаза — совсем близко. От неё пахнет полынью и чем-то кислым.

— То, что ты и просила. Хотела узнать про своих родителей? Получай.

Последнее слово она произносит так, будто плюёт.

Меня поднимают рывком. Хватают за плечо, волокут из дома. Босые ноги — когда я потеряла кроссовки? — ступают по холодной, сырой земле. Трава хлещет по щиколоткам.

Меня тащат через поле. Мимо озера, мимо чёрных деревьев, по тропинке, которой я не видела, когда шла сюда. Голова кружится так, что я спотыкаюсь на каждом шагу, и молодая женщина каждый раз дёргает меня за наручники, как собаку за поводок.

— Куда вы меня ведёте? — спрашиваю без особой надежды.

— Помалкивай.

Тропинка выводит на поляну. В центре — пусто, только примятая трава и запах. Тот самый запах. Терпкий, звериный, горячий. Я узнаю его раньше, чем вижу их.

Старуха останавливается. И просто толкает меня в спину.

Я падаю на колени. Наручники впиваются в запястья, ладони — в мокрую траву.

— Эй! — кричит она кому-то в темноту поляны. — Вот то, о чём я говорила. Ваша блудная шавка без рода и племе-

ни. Забирайте!

Медленно поднимаю голову.

Две фигуры. На краю поляны, в тени деревьев.

Мне не кажется.

Мне не кажется.

Тот самый тёмный — с резкими скулами и хищной улыбкой. Тот самый светлый — с серыми глазами и спокойствием, под которым прячется что-то страшное.

Мужчины из кафе.

Они стоят и смотрят на меня — на коленях, в наручниках, с грязным лицом и разбитым затылком.

И впервые за весь этот день я вижу на их лицах настоящее удивление.

— Ну и ну, — тихо говорит тёмный. Потом усмехается. Но усмешка не достигает глаз. — Мир тесен.

Светлый не улыбается. Он смотрит на мои наручники, на кровь, засохшую на моей шее, и его челюсть каменеет.

— Сними с неё это, — говорит он старухе. Голос ровный. Слишком ровный.

— Она может сбежать.

— Я сказал: сними.

И от его голоса — тихого, спокойного — воздух на поляне будто бы густеет. Старуха дёргается всем телом. Молодая женщина рядом с ней опускает глаза в землю.

Мне тоже хочется опустить глаза. Потому что в этом голосе — власть. Не человеческая. Другая.

Старуха подходит ко мне дрожащими руками и снимает наручники. Металл щёлкает, и я прижимаю запястья к груди. На коже — красные борозды.

Тёмный шагает ко мне. Опускается на корточки. Берёт моё лицо в ладони — грубо, жёстко — и поворачивает к свету.

— Это та самая? — спрашивает он, но не у старухи. У светлого.

— Ты сам чувствуешь, — отвечает тот.

Тёмный молчит. Потом наклоняется к моей шее — так близко, что я чувствую его дыхание на коже — и вдыхает.

Глубоко. Жадно.

И по его телу проходит дрожь. Я вижу это — вижу, как его плечи напрягаются, как пальцы сжимаются на моём лице.

— Чёрт, — выдыхает он. — Чёрт.

Родимое пятно вспыхивает.

На этот раз — не болью. Жаром. Густым, тягучим, невыносимым. Он льётся от метки вниз, в живот, между бёдер, и я сжимаю колени, потому что это не должно, не может ощущаться так...

— Кто вы? — спрашиваю я. Губы не слушаются. — Кто вы такие?

Тёмный выпрямляется. Смотрит на светлого. И между ними проходит молчаливый разговор — секунда, две — и решение принято.

— Демьян, — говорит тёмный, протягивая мне руку. —

А этот зануда — мой брат Матвей.

Его ладонь — огромная, горячая — ждёт.

— И поверь мне, девочка, — добавляет он тихо, — у тебя сейчас будет очень длинная ночь.

Глава 2. «Ваша блудная шавка»

Я не беру его руку.

Сижу на мокрой траве, прижимаю саднящие запястья к груди и смотрю на эту протянутую ладонь — огромную, уверенную — и не двигаюсь. Потому что если я её возьму, это будет означать согласие. На что — пока не знаю. Но чувствую: обратного пути не будет.

Демьян ждёт секунду, вторую. Потом хмыкает, убирает руку и выпрямляется.

— Гордая, — говорит он. Не с раздражением. Скорее с удовольствием, как будто это его развлекает.

Матвей проходит мимо брата, опускается передо мной на одно колено. Медленно, как будто боится спугнуть. Его серые глаза — на уровне моих. Спокойные. Но в глубине — та же тяжёлая, тёмная сила, что и у Демьяна. Просто спрятана глубже.

— Ты можешь встать? — спрашивает он. Голос мягкий. Бережный даже. И от этой бережности мне почему-то хочется расплакаться сильнее, чем от грубости.

Киваю. Поднимаюсь сама, пошатнувшись. Матвей протягивает руку, чтобы поддержать, но не касается — ждёт разрешения. Я этого разрешения не даю. Просто стою, босая, на мокрой земле и пытаюсь совладать с головокружением.

Старуха — Зара — стоит поодаль. Молодая женщина ря-

дом с ней. Обе замерли, и в их позах я вижу что-то новое. Не просто страх. Подчинение. Как будто сама природа заставляет их стоять тихо в присутствии этих двоих.

— Объясняй, — бросает Демьян старухе, не оборачиваясь.

— Объяснять нечего. Метка есть, кровь есть, — скрипит Зара. — Я сделала, что должна. Нашла, привела. Дальше — ваше дело.

— Ты ударила её по голове, — произносит Матвей. Всё тем же ровным голосом. — Надела наручники. Тащила по земле.

— Она бы сбежала.

— Она бы не сбежала, — отвечает Матвей. И в этих трёх словах столько холодной уверенности, что у меня мурашки бегут по рукам.

Зара открывает рот — и закрывает. Молодая женщина рядом с ней чуть отступает назад. Инстинктивно. Животный жест.

— С ней мы разберёмся потом, — говорит Демьян брату. Потом смотрит на меня. — Идём.

— Куда? — спрашиваю я.

— Домой.

— У меня нет дома.

Он усмехается. Но в этой усмешке — что-то грустное, чего я не ожидала.

— Теперь есть.

Идём через лес. Тропинка узкая, и я иду между ними — Демьян впереди, Матвей чуть позади. Босые ноги колют сосновые иголки, камешки, но я терплю. Не хочу просить ни о чём.

Молчим минут десять. Я считаю шаги, чтобы не думать. Не думать о том, что происходит. Не думать о жжении в боку, которое не утихает, а ровно пульсирует — словно второе сердце, которое проснулось и теперь не собирается за-тыкаться.

— Она хромает, — говорит Матвей за моей спиной.

— Я не хромаю, — огрызаюсь я. Хромаю. Правую ступню пропороло что-то острое ещё минуту назад, и каждый шаг — как наступить на стекло.

Демьян останавливается. Оборачивается. Опускает взгляд на мои ноги и качает головой.

— Серьёзно?

— Я в порядке.

Он не спрашивает разрешения. Просто шагает ко мне, подхватывает одной рукой под колени, другой — за спину, и поднимает. Легко, как ребёнка. Прижимает к груди и идёт дальше.

— Отпусти! — Я упираюсь руками в его плечи.

— Нет.

— Я сказала—

— А я сказал нет.

Я бью его кулаком в плечо. Бесполезно — как бить стену.

Он даже не морщится. Только смотрит сверху вниз, и в его тёмных глазах пляшут искры веселья.

— Ещё подерёшься — понравится, — говорит он.

— Ты невыносим.

— Мне часто говорят.

Матвей позади нас тихо вздыхает. Я слышу это — тяжёлый, долгий выдох — и почему-то мне кажется, что он привык. К брату. К тому, что тот берёт, не спрашивая.

Я перестаю бить и просто лежу. Не потому что сдалась. Потому что от его тела идёт жар, и метка на боку отзывается на этот жар так, что у меня темнеет в глазах. Каждая точка, где моё тело касается его — плечо, бедро, спина под его ладонью — горит.

Невыносимо.

— Что ты со мной делаешь? — шепчу я. Не ему. Себе.

Но он слышит. Конечно, слышит.

— Пока — ничего, — отвечает Демьян тихо. — Ничего из того, что хочу.

Лес заканчивается. Мы выходим на грунтовую дорогу, и через пять минут я вижу машину — большой чёрный внедорожник, спрятанный в тени деревьев. Демьян открывает заднюю дверь и сажает меня на сиденье. Аккуратно. Почти нежно. И это «почти» сводит меня с ума больше, чем откровенная грубость.

— Далеко ехать? — спрашиваю я.

— Час, — отвечает Матвей, садясь за руль.

Демьян обходит машину и садится рядом со мной. Не впереди. Рядом. На расстоянии вытянутой руки.

Я прижимаюсь к противоположной двери.

Едем. Дорога петляет через поля, потом ныряет в густой лес. Темнеет. В машине пахнет кожей, бензином и ими — обоими. Два запаха, разных, но одинаково сводящих с ума. Демьян пахнет дымом и чем-то хвойным, острым. Матвей — теплее, мягче. Как нагретая солнцем древесина.

— Кто вы? — спрашиваю я наконец. Молчать больше нет сил. — И не говори «Демьян». Я спрашиваю — что вы. Почему старуха вас боялась. Почему мне... — я осекаюсь. Не хочу говорить про метку. Про жжение. Про то, как моё тело реагирует на их присутствие.

Но Матвей ловит мой взгляд в зеркале заднего вида. Серые глаза — внимательные, всё понимающие.

— Ты чувствуешь что-то, — говорит он. Не спрашивает. Констатирует.

— У меня... — Я кладу руку на левый бок. — Здесь горит. С тех пор как вы рядом.

Демьян рядом со мной чуть подаётся вперёд. Я чувствую, как напрягается его тело.

— Покажи, — говорит он.

— Я не буду раздеваться перед тобой.

— Я не прошу тебя раздеваться. Приподними футболку на боку.

Что-то в его голосе изменилось. Пропала игривость, про-

пала хищная ухмылка. Он серьёзен. Может быть, впервые за всё время, что я его вижу.

Медленно приподнимаю край футболки. Ровно настолько, чтобы обнажить родимое пятно — два сцепленных полу-месяца на коже чуть ниже рёбер.

Демьян смотрит. Молчит. Потом откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза.

— Мать твою, — говорит он тихо.

Матвей в зеркале — его глаза мечутся между дорогой и моим отражением.

— Это метка, — произносит он наконец. — Мирослава, то, что у тебя на боку — это не родимое пятно. Это метка истинной пары.

— Истинной... что?

— Пары, — повторяет Матвей. — Каждый из нашего рода рождается с возможностью встретить свою истинную. Одну. Единственную. Ту, с кем связь на уровне крови, на уровне кости. Когда истинные рядом — метка горит.

Я молчу. Перевариваю.

— Вашего рода, — повторяю медленно. — Какого рода?

Тишина.

Длинная, тяжёлая тишина, в которой я слышу только шум мотора и своё собственное дыхание.

А потом Демьян открывает глаза, поворачивается ко мне, и говорит просто, без подготовки, без прелюдий:

— Мы — волки, Мира. Оборотни. И ты тоже.

Я смеюсь.

Нервный, истеричный смех — он рвётся из горла сам, и я не могу его остановить. Зажимаю рот ладонью, но он всё равно пробивается — хриплый, отчаянный.

— Оборотни, — повторяю я сквозь смех. — Серьёзно. Оборотни.

— Серьёзно, — кивает Демьян. Его лицо — абсолютно спокойное.

— А я, значит, тоже. Оборотень. Я — двадцатитрёхлетняя сирота, которая два года работала на кассе в супермаркете — оборотень.

— Полукровка, — уточняет Матвей. — Твоя мать была чистокровной волчицей нашего клана. Отец — человек. Поэтому ты не обращалась. Зверь в тебе спит.

Смех обрывается. Как будто перекрыли кран.

— Вы знали мою мать?

— Нет, — отвечает Матвей. — Она ушла из клана до нашего рождения. Но мы знаем её историю. Все знают.

— Расскажи мне.

— Позже. Сначала тебе нужно поесть, вымыться и поспать. У тебя на затылке кровь и ты босая.

— Мне не нужна ваша забота. Мне нужны ответы.

— Получишь и то, и другое, — говорит Демьян. — Потерпи.

Машина сворачивает с грунтовки на дорогу, выложенную камнем. Старым, тёмным камнем, уложенным так ровно, что

колёса перестают подпрыгивать. По обе стороны — лес, но другой: ухоженный, древний. Сосны уступают место дубам, и их ветви смыкаются над дорогой, образуя живой тоннель.

А потом лес расступается, и я вижу дом.

Нет. Не дом. Поместье.

Трёхэтажное каменное здание, тёмное, массивное, увитое диким виноградом. Широкое крыльцо. Окна горят тёплым светом. Вокруг — подстриженная лужайка, за ней — снова лес, плотный и тёмный, как стена.

И люди. Много людей. Они выходят из дома, стоят на крыльце, на лужайке. Мужчины и женщины, молодые и старые. Все смотрят на подъезжающую машину.

Все смотрят на меня.

— Это... — начинаю я.

— Дом клана, — говорит Матвей, глуша мотор.

— Сколько вас?

— Достаточно.

Демьян выходит первым. Обходит машину, открывает мою дверь. И снова протягивает руку.

На этот раз я её беру. Потому что у меня разбита ступня, кружится голова, и я не хочу упасть перед всеми этими людьми.

Его пальцы смыкаются на моей ладони. Горячие. Уверенные. И метка на боку отзывается мгновенно — волной тепла, прокатившейся от рёбер до кончиков пальцев.

Выхожу из машины. Прохладный вечерний воздух обни-

мает мокрую от пота кожу. Я стою босая, грязная, с кровью на затылке — перед каменным помещьем, полным незнакомцев.

И тут один из них — пожилой мужчина с седой бородой — делает шаг вперёд, смотрит на меня, потом на братьев, и спрашивает:

— Это она?

— Она, — отвечает Демьян.

Мужчина переводит взгляд на меня. Я жду осуждения, безгливости — привыкла к этому.

Но он склоняет голову. Чуть. На долю секунды. И за ним, как рябь по воде, это движение повторяют остальные.

Тридцать, может сорок человек. Все разом. Опускают головы.

Передо мной.

— Что происходит? — шепчу я Демьяну.

— Они приветствуют тебя.

— Почему?

— Потому что ты — наша истинная, — отвечает он. — И такого не было триста лет.

В его голосе — не насмешка. Не игра. Что-то настоящее, тяжёлое, что он, похоже, не привык произносить вслух.

И тут — на краю поляны за домом — я вижу это.

Движение. Быстрое, текучее. Тень, скользнувшая между деревьями. А потом ещё одна. И ещё.

Волки.

Огромные, втрое больше обычных. Один — серебристо-серый, с жёлтыми глазами. Второй — чёрный, массивный, как грозовая туча.

Они выходят из леса бесшумно, будто сам воздух расступается перед ними. Лунный свет ложится на их шкуры, и я вижу, как перекачиваются мышцы под мехом, как светятся глаза — нечеловеческим, древним огнём.

Серебристый останавливается. Смотрит на Демьяна. Потом — на Матвея. И склоняет голову точно так же, как люди на крыльце.

— Это... они настоящие? — Мой голос — еле слышный шёпот.

— Абсолютно, — говорит Матвей. Он стоит рядом — я не заметила, когда подошёл. — Это Фёдор и Лука. Они патрулируют периметр.

Серебристый волк поднимает голову. И на моих глазах — на моих глазах — его тело начинает меняться.

Это не то, что показывают в фильмах. Никаких хрустов, воплей, вывернутых суставов. Это... красиво. Страшно и красиво одновременно.

Мех вытягивается в кожу, как вода уходит в песок. Лапы вытягиваются, удлиняются, перетекают в руки и ноги. Морда сглаживается, и из неё проступает человеческое лицо. Всё это — в движении, плавном, непрерывном, как танец, как река, меняющая русло.

Три секунды.

Три секунды — и на месте серебристого волка стоит голый мужчина лет тридцати. Спокойный, невозмутимый. Кто-то тут же набрасывает ему на плечи одеяло.

Чёрный волк обращается следом. То же плавное, текучее движение. Тьма перетекает в кожу, зверь — в человека.

Я стою и не дышу.

Потому что если это реальность — то всё, что я знала о мире, было неправильным.

— Дыши, — говорит Матвей рядом. Его рука — тёплая — ложится мне на спину. Между лопаток. Легко, едва касаясь.
— Дыши, Мира.

Я вдыхаю. Выдыхаю. Вдыхаю.

И чувствую, как что-то внутри меня — то, что спало двадцать три года — поднимает голову.

Глава 3. «Ты не уйдёшь, пока не узнаешь»

Меня ведут внутрь.

Поместье изнутри — как другой мир. Высокие потолки с тёмными деревянными балками, каменные стены, увешанные гобеленами. Пахнет воском, деревом и чем-то травяным — знакомым, но неуловимым. Под ногами — широкие половицы, тёплые, отполированные десятилетиями шагов.

Люди расступаются передо мной. Я ловлю взгляды — любопытные, настороженные, откровенно изучающие. Кто-то шепчется. Молодая женщина с рыжими волосами смотрит на меня так, будто я забрала у неё что-то ценное. Пожилая пара у камина переглядывается с выражением, которое я не могу прочесть.

Я иду между братьями, босая, грязная, с засохшей кровью на шее. Чувствую себя бродячей кошкой, которую притащили в чужой дом. Все смотрят. Все ждут. Чего — непонятно.

— Сюда, — говорит Матвей и открывает тяжёлую дверь в конце коридора второго этажа.

Комната. Большая, тёплая, с кроватью, застеленной тёмным бельём. Окно выходит на лес. На тумбочке — графин с водой, полотенце, какие-то баночки.

— Ванная — справа, — говорит Матвей. — Чистая одеж-

да в шкафу. Еду принесут через полчаса.

Я стою на пороге и не двигаюсь.

— Это что, моя комната?

— Пока — да.

— А потом?

Матвей молчит.

— Потом разберёмся, — говорит Демьян из-за его плеча. Он стоит, прислонившись к дверному косяку, скрестив руки. Заполняет собой весь проём. — Мойся, ешь, спи. Утром поговорим.

— Нет, — качаю головой. — Нет. Я не собираюсь мыться, есть и спать как послушная девочка, которую уложили в гостевую комнату. Мне нужны ответы. Сейчас.

— Мира...

— Сейчас. — Я чувствую, как голос крепнет. Откуда — не знаю. Минуту назад у меня дрожали колени, а сейчас внутри поднимается что-то горячее, упрямое, злое. — Меня ударили по голове. Надели наручники. Притащили к вам, как вещь. А вы говорите мне — спи? Я не усну, пока не пойму, во что я вляпалась.

Братья переглядываются. Тот самый молчаливый разговор — секунда, две.

— Хорошо, — кивает Матвей. — Но хотя бы сядь.

Сажусь на край кровати. Матвей опускается на стул у стола напротив. Демьян остаётся в дверном проёме — сторожит. Или просто не может стоять иначе, как перекрывая вы-

ход. Инстинкт, наверное.

— С чего начать? — спрашивает Матвей.

— С моей матери.

Он кивает. Трёт переносицу пальцами — жест усталого человека, а не зверя.

— Твою мать звали Мирослава. Мира. Она была из старшей ветви клана — не из нашей семьи, но из уважаемого рода. Сильная волчица. Красивая, говорят. Упрямая. — Он чуть улыбается. — Похоже, это наследственное.

Я не улыбаюсь в ответ.

— Мира была обещана клану. Не конкретному мужчине, а клану — как волчица, которая должна была родить следующее поколение чистокровных. У нас... — Он запинается. Подбирает слова. — У нас есть традиция. Древняя. Женщины с сильной кровью, с меткой — она ценность. Не вещь, — добавляет быстро, видя моё лицо. — Но ценность. Потому что от неё зависит сила потомства, сила клана.

— Она звучит как вещь, — говорю я.

— Знаю, — отвечает Матвей. — Мира думала так же.

— Что случилось?

— Она влюбилась. В человека. Обычного человека, который приехал сюда на заработки. Строил дорогу, кажется. Мира встретила его, и... — Он разводит руками. — Влюбилась. Забеременела. Клан узнал.

— И?

— И ей дали выбор. Остаться, избавиться от ребёнка и

выполнить свой долг. Или уйти — навсегда, без права вернуться, без защиты клана.

— Она ушла.

— Она ушла.

Тишина. Я слышу, как за окном шумит лес. Как где-то внизу звякает посуда.

— А мой отец?

— Он не знал, кто она. Мира ему не рассказала. Они жили вместе недолго — несколько месяцев. Потом он уехал. Или она его прогнала — версии разные. В любом случае, к моменту, когда ты родилась, его рядом не было.

— А мать?

Матвей замолкает.

— Говори, — прошу я.

— Волчица без клана слабеет. Без стаи, без территории, без связи с другими — её зверь угасает. Это как... — Он ищет сравнение. — Как рыба без воды. Не сразу. Постепенно. Мира продержалась три года после твоего рождения. Потом...

— Потом — что?

— Её нашли, — говорит Демьян из дверного проёма. Его голос — жёсткий, без матвеевской мягкости. — На окраине какого-то города. Мёртвую. Официальная версия — несчастный случай. Реальная — её зверь умер, а за ним умерла и она. Волчица не может жить без волка внутри.

Я молчу.

Внутри — пустота. Не боль, не злость. Просто пустота, такая же огромная, как все двадцать три года без ответа.

— А я? — спрашиваю наконец. Голос — ровный. Удивительно ровный. — Что стало со мной?

— Тебя подбросили в приют, — отвечает Матвей. — Мира успела. Перед смертью — передала тебя людям. Подальше от клана, от оборотней, от всего этого мира.

— Она хотела меня защитить?

— Да.

— От вас?

Матвей не отвечает. Но его молчание — красноречивее любых слов.

— Ладно. — Я сжимаю пальцы на коленях. — Допустим. Допустим, я в это верю. Моя мать — волчица. Мой отец — человек. Я — полукровка. Метка на боку — знак истинной пары. Но есть один вопрос, на который я хочу услышать ответ.

— Какой?

— Почему я — истинная для двоих?

И вот тут тишина становится другой. Густой. Вязкой, как мёд.

Демьян отлепляется от косяка. Делает шаг в комнату, и воздух будто сгущается вместе с ним. Он стоит, засунув руки в карманы, и смотрит на меня сверху вниз, и я вижу, как работает его челюсть — сжимается, разжимается.

— Потому что мы — близнецы, — говорит он.

Я моргаю.

— Что?

— Неидентичные. Разнояйцевые, если тебе нужен медицинский термин. Разные отцы — одна мать. Так бывает у нашего рода. Редко, но бывает.

Мой взгляд мечется между ними. Демьян — тёмный, угловатый, хищный. Матвей — светлый, мягче, шире. Они не похожи. Совсем. Но что-то общее есть — в развороте плеч, в линии скул, в том, как оба двигаются. Как два варианта одного и того же существа.

— Близнецы, рождённые от двух разных альф одной стаи, — продолжает Матвей. — Это само по себе редкость. А истинная для обоих — это...

— Невозможно, — заканчивает Демьян. — Это считается невозможным. Такого не было триста лет. С тех пор, как наш прадед...

— Не сейчас, — обрывает его Матвей. И поворачивается ко мне. — Суть в том, Мира, что твоя метка отзывается на нас обоих. На каждого. Одинаково. Это значит, что ты связана с нами — не с одним, а с двумя. На уровне, который мы не выбирали.

— Я тоже не выбирала, — говорю я. И голос наконец дрожит.

— Знаю, — тихо отвечает Матвей.

— Вот это меня меньше всего волнует, — бросает Демьян. Я поднимаю на него глаза. Он стоит надо мной — огром-

ный, тёмный, невозможный.

— Что тебя волнует?

— Ритуал.

Слово падает в комнату, как камень в воду. И я чувствую, как от него расходятся круги — по моей коже, по метке, по каждому нерву.

— Какой ритуал?

Матвей бросает на брата взгляд — предупреждающий. Демьян его игнорирует.

— Ты не просто наша истинная, Мира. Ты — ключ к тому, чтобы клан выжил. Наш род слабеет. Каждое поколение — меньше волков, меньше силы, больше полукровок, которые не могут обратиться. Мы вымираем. Медленно, но верно.

— И я должна это исправить?

— Ты можешь это исправить. Если пройдёшь ритуал единения. Древний обряд — связь истинной пары. Он усиливает кровь, пробуждает спящих волков, запускает что-то... — Он крутит рукой в воздухе. — Я не жрец, я не знаю, как это работает. Знаю одно: ритуал требует, чтобы истинная приняла своих пар. Обоих.

Приняла.

Я понимаю, что он имеет в виду. Конечно, понимаю. И метка понимает тоже — она пульсирует, горит, посылает волны жара вниз по животу.

— Ты хочешь сказать, — произношу я очень медленно, — что я должна переспать с вами обоими.

Не вопрос. Утверждение.

— В ночь ритуала — да, — отвечает Демьян. Смотрит мне в глаза. Не прячется, не смягчает. — С обоими. Чтобы зачать наследника.

Тишина.

Долгая.

Потом я встаю с кровати. Ноги трясутся, но я стою.

— Нет.

— Мира...

— Нет. Мне хватило того, что меня продали — родная мать бросила, система ж инкубатор! Я — человек!

— Ты не совсем человек, — говорит Демьян.

— Заткнись! — кричу я ему в лицо. — Заткнись!

И бросаюсь к двери.

Демьян перехватывает меня одной рукой. Легко, небрежно — как ловят мяч. Моё тело впечатывается в его грудь, и я бьюсь, молочу кулаками по каменным мышцам, а он стоит и не шевелится.

Потом разворачивает меня и прижимает спиной к стене. Обе мои руки — в его ладонях, прижаты над головой. Одна его рука — на обоих моих запястьях. Вот какой он большой. Вот насколько я бессильна.

Его тело — вплотную к моему. Грудь к груди, бёдра к бёдрам. Я чувствую каждый его вдох, каждое движение мышц под рубашкой. И метка — метка сходит с ума. Горит так, что я стискиваю зубы, чтобы не застонать.

Потому что это не боль. Или не только боль.

— Ты не уйдёшь, пока не узнаешь всё, — говорит он тихо. Его лицо — в сантиметре от моего. Тёмные глаза, расширенные зрачки. Он тоже это чувствует, я вижу. Его дыхание — тяжёлое, рваное. — Ты не уйдёшь, потому что за этими стенами ты — добыча. Без клана, без защиты. Любой чужой волк учует тебя и...

— И что? — шепчу я. Губы пересохли.

Он наклоняется ещё ближе. Его губы — у моего виска. Тёплое дыхание — на коже.

— И сделает с тобой то, что я из последних сил сдерживаюсь не сделать, — шепчет он. — Только ему будет плевать, хочешь ты этого или нет. А мне — нет.

Мне плевать? Или мне — нет?

Его бёдра прижимаются к моим чуть сильнее, и я чувствую — сквозь ткань, сквозь джинсы — насколько он возбуждён. Твёрдый, горячий, огромный. У меня перехватывает дыхание.

— Демьян, — голос Матвея. Тихий, стальной. — Отпусти её.

Секунда. Две. Три.

Демьян разжимает пальцы. Отступает. Его грудь тяжело вздымается.

— Ты сама придёшь, — говорит он, глядя мне в глаза. — Рано или поздно.

И выходит из комнаты. Дверь закрывается за ним.

Я стою, привалившись к стене, и пытаюсь вспомнить, как дышать. Между ног — горячо и влажно. И я ненавижу себя за это так сильно, что хочется содрать кожу вместе с этой проклятой меткой.

Матвей стоит у двери. Не двигается. Ждёт.

— Он всегда такой? — спрашиваю я.

— Да.

— А ты?

Матвей молчит. Потом подходит — медленно, осторожно — и останавливается на расстоянии шага. Протягивает руку. Не к моему лицу, не к талии. К моим пальцам.

Просто касается кончиков моих пальцев своими.

И метка отзывается. Но по-другому. Не пожаром — теплом. Мягким, глубоким. Как будто залезть под одеяло в холодную ночь.

— Я не он, — говорит Матвей тихо. — Я не буду тебя принуждать. Ни к чему. Никогда.

— Но ты хочешь того же?

Его серые глаза темнеют. На долю секунды — и я вижу в них тот же голод, что и у Демьяна. Ту же бездну. Просто закрытую на замок.

— Хочу, — отвечает он. Честно. Просто. — Ты даже не представляешь, как сильно.

И уходит. Тихо закрывает дверь.

Я опускаюсь на пол, обхватываю колени руками и долго-долго смотрю в темнеющее окно. Метка пульсирует. Два

ритма. Два сердцебиения, наложенных друг на друга.

Одно — быстрое, жадное, тёмное.

Второе — ровное, глубокое, тёплое.

Оба — мои.

И впервые за двадцать три года я чувствую, что принадлежу чему-то большему, чем пустой конверт на дне сумки.

Это пугает меня больше всего.

Глава 4. «Он смотрел так, будто уже раздел меня»

Я не сплю.

Лежу на чужой кровати, на чужих простынях, в чужой одежде — кто-то положил на стул мягкие штаны и длинную футболку, пахнущую лавандой и чем-то звериным. Я вымылась, обработала ступню, съела тарелку горячего рагу, которую принесла молчаливая женщина с круглым лицом. Сделала всё, что велели.

И теперь лежу, смотрю в потолок и не сплю.

Потому что метка не даёт.

Она пульсирует — ровно, настойчиво, как маяк, посылающий сигнал в темноту. Два ритма. Один — частый, нервный, горячий. Второй — медленный, глубокий, тягучий. Демьян и Матвей. Я чувствую их обоих. Где-то в этом доме, за стенами, за закрытыми дверями — они есть. И моё тело знает это.

Знает, и не может успокоиться.

Я переворачиваюсь на бок. Прижимаю ладонь к метке. Горячая. Кожа поверх неё — как нагретый камень. Два полумесяца, сцепленных друг с другом, и под пальцами мне кажется, что я чувствую их контур — чуть выпуклый, рельефный. Хотя раньше он был плоским. Обычным родимым пятном.

Раньше.

Закрываю глаза. Пытаюсь думать о чём-то нейтральном. О своей работе на кассе, которую бросила. О съёмной комнате с тараканами, за которую задолжала два месяца. О том, что надо позвонить хозяйке и сказать...

А перед глазами — его лицо. В сантиметре от моего. Тёмные глаза. Тяжёлое дыхание на моей коже. И то, что я почувствовала через ткань его джинсов, когда он прижал меня к стене.

Сжимаю бёдра. Плотно. Зло.

Нет. Нет, нет, нет.

Я не буду думать об этом. Не буду.

Но тело не слушается. Тело помнит его жар, его запах, его руку на моём бедре — ещё тогда, в арке у кафе. Помнит, как его пальцы скользнули в мой карман и задержались на секунду дольше. Помнит всё, до последнего прикосновения.

И хочет ещё.

Я ненавижу это. Ненавижу метку, ненавижу свою мать за то, что наградила меня этой кровью, и ненавижу собственное тело за то, что оно предаёт меня при каждом удобном случае.

Переворачиваюсь на другой бок. Одеяло сбивается, и прохладный воздух касается оголившегося живота. Метка от этого вспыхивает ярче — как будто ей нужен воздух, как огню.

Чёрт.

Встаю. Иду к окну, распахиваю створку. Ночной лес ды-

шит мне в лицо — сырой, хвойный, живой. Луна — почти полная, чуть ущербная — висит над деревьями, и в её свете я вижу поляну за домом.

И замираю.

На поляне — волк. Один. Огромный, чёрный, с серебристой проседью на загривке. Он сидит на задних лапах, морда поднята к луне. Не воет — просто смотрит. И в его неподвижности есть что-то настолько тоскливое, что у меня сжимается горло.

Потом волк поворачивает голову. Смотрит прямо на моё окно.

Жёлтые глаза. Светящиеся. Знающие.

Матвей? Демьян? Я не знаю. Не могу отличить. Но метка пульсирует в такт его взгляду, и я стою у открытого окна в чужой футболке, босая, с мокрыми после душа волосами — и не могу отвернуться.

Волк смотрит на меня долго. Целую минуту, может больше. Потом встаёт, разворачивается и бесшумно уходит в лес. Тень среди теней.

Я закрываю окно. Ложусь обратно. И лежу, пока серый рассвет не вползает в комнату.

Утро начинается с запахов.

Кофе — крепкий, настоящий, сваренный на плите. Свежий хлеб. Что-то жареное, мясное. Живот сводит так, что я забываю про гордость и выхожу из комнаты.

Коридор — длинный, с тёмными деревянными панелями

и тусклыми настенными светильниками. Двери — одинаковые, тяжёлые. Я считаю их, пока иду к лестнице: шесть штук. За одной из них — негромкий разговор. За другой — тишина. За третьей — храп.

Спускаюсь на первый этаж. Кухня — огромная, светлая, с длинным деревянным столом, за которым можно усадить двадцать человек. Сейчас за ним сидят трое: пожилая женщина, молодой парень и Демьян.

Демьян завтракает.

Это звучит обыденно. Но я замираю на пороге и смотрю, потому что даже в том, как этот человек ест, есть что-то звериное. Он не ковыряется в тарелке — он поглощает. Большие куски мяса, хлеб, который ломает руками, кофе, который пьёт из огромной кружки. Его руки — широкие, с выступающими венами — двигаются уверенно, жадно.

Он замечает меня раньше, чем я успеваю решить, войти или сбежать. Поднимает голову — и его глаза проходят по мне сверху вниз. Медленно.

Очень медленно.

От мокрых, распущенных волос — по шее, по ключицам, по груди, которая под тонкой чужой футболкой слишком заметна. По животу, по бёдрам в мягких штанах. По босым ступням. И обратно — вверх. Задерживается на губах. На глазах.

Он смотрит так, будто уже раздел меня. Будто видит всё, что под тканью — каждый изгиб, каждую родинку. И не стес-

няется этого.

— Доброе утро, — говорит он. И улыбается. Хищно. Лениво.

— Утро, — бросаю я сухо. Вхожу. Сажусь на дальний конец стола — максимально далеко от него.

Пожилая женщина тут же ставит передо мной тарелку. Яичница, мясо, помидоры, свежий хлеб. Кофе — в толстой керамической чашке. Я благодарю кивком и начинаю есть. Стараюсь не смотреть на Демьяна. Стараюсь.

Не получается.

Он откинулся на стуле, вытянув длинные ноги. Рубашка — тёмная, расстёгнутая на две пуговицы — открывает полосу загорелой груди, и я вижу тёмные волосы, и линию ключицы, и мышцу, которая перетекает от шеи к плечу, и — хватит, Елена.

Ем. Молча. Решительно.

— Хорошо спала? — спрашивает он.

— Прекрасно, — вру.

— Врёшь, — констатирует он. — У тебя круги под глазами.

— Спасибо. Очень мило.

— Я не про красоту. У тебя что, метка всю ночь не давала покоя?

Я замираю с вилкой у рта.

— Откуда ты...

— У меня тоже не давала, — говорит он. И впервые за

наш разговор в его голосе нет игры. Просто усталость. — Я чувствовал тебя всю ночь. Через три стены и два этажа. Как ты ворочаешься. Как тебе жарко. Как ты злишься.

Пожилая женщина и молодой парень за столом делают вид, что их здесь нет. Встают, уходят. Мы остаёмся одни.

— Ты чувствуешь мои эмоции? — спрашиваю я.

— Не все. Сильные — да. Злость, страх, боль. И... — Он запинается. Усмехается. — Желание.

Кровь бросается мне в лицо. Горячая волна — от шеи до корней волос.

— Я ничего не желала.

— Елена. — Он наклоняется вперёд. Локти на столе, тёмные глаза — прямо в мои. — Я волк. У меня чутьё в сорок раз сильнее человеческого. Я чувствую запах твоего возбуждения через закрытую дверь.

Мир проваливается. Стул подо мной, стол с тарелками, вся эта кухня — всё перестаёт существовать. Остаётся только стыд. Горячий, удушающий.

— Ты... — Я не нахожу слов.

— Не переживай, — говорит он мягче. — Это нормально. Метка так работает. Притягивает. Заставляет тело хотеть.

— Это не я хочу. Это метка.

— Конечно, — кивает он. Но его глаза говорят другое. — Конечно, метка.

Я поднимаюсь из-за стола. Аппетит пропал.

— Где Матвей?

Демьян чуть меняется в лице. Быстро, почти незаметно. Тень чего-то — ревность? Обида? — мелькает и исчезает.

— В кабинете. Второй этаж, дверь в конце коридора.

— Спасибо.

Разворачиваюсь и ухожу. Спиной чувствую его взгляд — тяжёлый, горячий, липнущий к моему телу, как мёд.

У самой двери его голос догоняет меня:

— Красивая, когда злишься.

Не оборачиваюсь.

Кабинет Матвея — это книги. Стеллажи от пола до потолка, заставленные томами в кожаных переплётках. Пахнет бумагой, пылью и тем самым запахом — нагретая солнцем древесина, тёплый и спокойный. Его запах.

Он сидит за массивным столом, склонившись над бумагами. При моём появлении поднимает голову, и я вижу — он тоже не спал. Тени под глазами, резче обычного очерченные скулы. Но он улыбается. Не хищно, как Демьян. Устало. Почеловечески.

— Как ступня? — спрашивает он.

— Нормально.

— Покажи.

— Я пришла не за этим.

Он откладывает ручку. Откидывается на спинку кресла. Ждёт.

— Я хочу знать всё, — говорю я. — Про ритуал. Про метку. Про то, что со мной будет, если я откажусь. И что будет,

если соглашусь.

— Садись.

Сажусь в кресло напротив. Между нами — стол, заваленный бумагами, картами, какими-то рукописными листами. Я замечаю рисунок — два полумесяца, сцепленных вместе. Мой рисунок. Моя метка.

— Ты изучаешь меня, — говорю я.

— Я изучаю нашу ситуацию, — поправляет он. — Истинная для двоих — это не просто редкость. Это аномалия. Последний зафиксированный случай — 1723 год. Наш предок, два брата и женщина по имени Анастасия.

— Что с ней стало?

— Она прошла ритуал. Родила двоих детей. Клан расцвёл на три поколения вперёд.

— А она? Сама она — что?

Матвей молчит секунду.

— Она была счастлива. Судя по записям.

— Судя по записям, — повторяю я с горечью. — А реально?

— Реально я не знаю. Триста лет прошло. Но записи подробные. Она вела дневник.

Он выдвигает ящик стола и достаёт тонкую тетрадь — пожелтевшую, с обтрёпанными краями. Кладёт передо мной.

— Я не могу это читать. Это наверняка на старославянском.

— Я перевёл ключевые фрагменты, — говорит он и про-

тягивает несколько листов. Его почерк — аккуратный, чёткий, как у человека, привыкшего записывать всё, что важно.

Беру. Читаю первый абзац.

«Они говорят — долг. Говорят — судьба. Но когда Алексей касается моего лица и смотрит так, что я забываю дышать, а Пётр целует мои руки и шепчет, что я его воздых — какой это долг? Это любовь. Странная, невозможная, запретная для человеческого мира. Но мы — не люди. И я больше не хочу притворяться.»

Я откладываю листы. Руки чуть дрожат.

— Это... — начинаю я.

— Она любила обоих, — говорит Матвей. — По-разному. Но обоих.

— Это невозможно.

— Для людей — может быть. Для нас — нет. Волк не врёт. Если метка говорит — двое, значит, двое. Тело знает раньше, чем голова.

Моё тело. Моё проклятое тело, которое всю ночь горело, тянулось, требовало — чего?

Матвей смотрит на меня. Я чувствую его взгляд — не как у Демьяна, не раздевающий. Проникающий. Как будто он видит всё, что я думаю, и не осуждает.

— Что будет, если я откажусь? — спрашиваю я.

— Метка будет гореть. С каждым днём — сильнее. Связь, которая не реализована, причиняет боль. Физическую. Через несколько месяцев ты не сможешь нормально функцио-

нировать.

— А вы?

— То же самое.

— И если я просто уеду? Подальше от вас?

— Будет хуже. Расстояние усиливает тягу, а не ослабляет.

Как резинка — чем дальше тянешь, тем больше бьёт.

— То есть я в ловушке.

Матвей медленно качает головой.

— Ты не в ловушке. Ты — в выборе. Тяжёлом, несправедливом, но выборе.

— Какой это выбор, если оба варианта — боль?

Он встаёт. Обходит стол. Останавливается рядом с моим креслом — близко, но не касаясь. Смотрит сверху вниз, и его серые глаза в утреннем свете — почти прозрачные.

— Не оба, — говорит он тихо. — Один — боль. Другой — страшно. Но не больно. Может быть, даже наоборот.

— Наоборот — это как?

Он протягивает руку. Медленно. Его пальцы останавливаются в сантиметре от моей щеки. Не касаются. Ждут.

— Можно? — спрашивает он.

Я не знаю, зачем киваю. Но киваю.

Его ладонь ложится мне на щёку. Тёплая. Большая. Бережная.

И метка — метка взрывается. Не болью, не жаром — светом. Я чувствую его через кожу, через кость, через всё тело: Матвей. Его усталость. Его страх — он тоже боится. Его же-

ление — глубокое, терпеливое, как подземная река.

Его нежность.

Она обрушивается на меня, как волна, и у меня перехватывает дыхание. Потому что меня никто и никогда — никогда в жизни — не касался так. Как будто я драгоценная. Как будто я хрупкая. Как будто я — та, которую ждали.

— Вот так, — шепчет он. — Наоборот — вот так.

Его большой палец гладит мою скулу. Один раз. Два. Я закрываю глаза, и по моей щеке скатывается слеза. Одна. Я не плакала пять лет. Пять проклятых лет — и вот, один жест, одно прикосновение, и всё рушится.

— Не надо, — шепчу я. — Пожалуйста.

— Хорошо, — говорит он. И убирает руку. И отходит.

И мне хочется закричать: вернись.

Но я молчу. Вытираю щёку тыльной стороной ладони. Встаю.

— Мне нужно подумать.

— Конечно.

— Не день. Не два. Мне нужно время.

— Сколько хочешь.

Я иду к двери. Оборачиваюсь.

— Матвей.

— Да?

— Волк на поляне ночью. Это был ты?

Пауза. Потом он чуть кивает.

— Зачем?

— Просто хотел быть рядом, — отвечает он. — На случай, если тебе станет страшно.

Выхожу. Закрываю дверь. Стою в коридоре и прижимаю ладонь к метке, которая пульсирует двумя ритмами — один стучит как бешеное сердце, другой — как колыбельная.

Оба — мои.

Оба.

Глава 5. «Я не вещь для вашего ритуала»

Три дня.

Три дня я живу в этом доме, хожу по его коридорам, ем за длинным столом, засыпаю в чужой постели — и пытаюсь убедить себя, что всё это временно. Что я гостя. Что в любой момент могу встать, собрать вещи — какие вещи, у меня ничего нет — и уйти.

Но с каждым днём уходить всё сложнее.

Не из-за них. Из-за себя.

Из-за того, что происходит с моим телом.

Метка больше не просто пульсирует — она живёт. Горит утром, когда я просыпаюсь. Жжёт вечером, когда ложусь. А днём — днём она ведёт себя как компас, который безошибочно указывает направление. К ним. К обоим.

Я чувствую, где они. Всегда. Даже не видя, не слыша — знаю: Демьян на первом этаже, в правом крыле. Матвей — в кабинете. Или: Демьян ушёл в лес, далеко, метка чуть ослабла, как будто натянутая нить провисла. Матвей — близко, за стеной, и от его присутствия по коже разливается тепло.

Это сводит с ума.

Но ещё больше сводит с ума другое.

Дом — живой. Не в мистическом смысле. В человеческом. Здесь пахнет едой и дровами. Здесь смеются. Здесь ругаются. Здесь дети — да, дети, штук шесть, я сбилась со счёта — носятся по коридорам, и их шлёпают по макушкам, и они визжат, и это так нормально, так по-семейному, что у меня каждый раз сжимается что-то в груди.

Я никогда этого не знала. Ни семьи, ни дома. Ни запаха свежего хлеба по утрам, ни ворчания пожилой женщины — Ольги Дмитриевны, как я узнала — которая гоняет всех из кухни полотенцем, но при этом кладёт мне на тарелку двойную порцию.

— Худая, — ворчит она. — Кости одни. Ешь.

Я ем. И ненавижу себя за то, что мне здесь хорошо.

На второй день ко мне приходит рыжая. Та самая — с первого вечера, которая смотрела на меня так, будто я украла у неё кислород.

Стук в дверь. Я открываю. Она стоит на пороге — высокая, красивая, с медными волосами и зелёными глазами. На вид — моя ровесница. Может, чуть старше.

— Я Кира, — говорит она. Голос — ровный, холодный. — Можно войти?

— Зачем?

— Поговорить.

Пропускаю её. Она входит, осматривает комнату — быстро, оценивающе — и садится на подоконник. Скрещивает руки.

— Значит, ты — истинная.

— Так мне сказали.

— И ты в это веришь?

Я сажусь на кровать. Смотрю на неё.

— А ты — нет?

Кира усмехается. Не зло — горько.

— Я верю в метку. Метку не подделаешь. Но истинная для двоих альф — это сказка. Красивая, удобная сказка, чтобы оправдать то, что два самых сильных мужчины клана хотят одну и ту же женщину.

— Альф?

Она смотрит на меня так, будто я спросила, что такое вода.

— Ты вообще ничего не знаешь?

— Ничего.

Кира вздыхает. Вытягивает ноги, упирается затылком в оконную раму.

— Альфа — вожак стаи. Самый сильный волк. Обычно — один на клан. У нас — двое. Братья. Демьян и Матвей. Они делят власть с тех пор, как их отец умер. Пять лет назад.

— Делят? Как?

— Плохо, — отвечает Кира. — Демьян — боец. Стратег. Он защищает клан, решает конфликты с другими стаями, держит территорию. Матвей — голова. Он ведёт дела, управляет людьми, следит за законами. Вместе они — идеальный вожак. По отдельности — два упрямых волка, которые регу-

лярно грызутся.

— Грызутся — буквально?

— Буквально. Три месяца назад Демьян сломал Матвею два ребра. Матвей в ответ чуть не порвал ему ухо. Из-за дороги. Из-за грёбаной дороги, которую один хотел строить через восточный лес, а другой — нет.

Я молчу. Перевариваю.

— И теперь они хотят поделить меня? — спрашиваю тихо.

— Как территорию?

Кира смотрит на меня долго. Потом качает головой.

— Нет. Вот в этом и проблема. Они не хотят делить. Каждый хочет целиком. И ритуал — единственное, что заставляет их сотрудничать, а не рвать друг друга на части.

— Из-за меня?

— Из-за тебя. Из-за клана. Из-за всего.

— Кира, — говорю я. — Зачем ты мне это рассказываешь?

Она молчит. Потом спрыгивает с подоконника, подходит ко мне. Близко. Я чувствую её запах — острый, горький, как можжевельник.

— Потому что ты должна знать, во что ввязываешься. Это не романтическая история. Это клан оборотней, который стоит на краю. Если ты примешь ритуал — ты станешь их. Навсегда. Не женой, не подружкой. Парой. Связь на уровне крови. Ты будешь чувствовать каждую их рану, каждую их мысль. И они — твою. До конца жизни.

— А если не приму?

— Тогда клан продолжит слабеть. Волки будут уходить. Через десять лет нас не станет.

— И это будет моя вина?

— Нет, — говорит Кира. Жёстко. — Это будет их вина. Они — альфы. Их дело — заботиться о клане. Не твоё. Ты — свободный человек, и никто не имеет права от тебя это требовать.

Она идёт к двери. Останавливается.

— Но если ты решишь остаться — делай это не ради них. Не ради клана. Ради себя. Потому что, Мира, — она оборачивается, и в её зелёных глазах я вижу что-то похожее на уважение, — если ты сделаешь это ради других, ты себя потеряешь.

Дверь закрывается.

На третий день я не выдерживаю.

Метка горит так, что я не могу ни сидеть, ни лежать, ни стоять. Хожу по комнате, как зверь в клетке — туда-обратно, туда-обратно. Пульс бьётся в висках. Кожа — горячая, влажная. Между ног — тяжесть, которую я отказываюсь признавать.

Каждая клетка моего тела кричит: иди к ним. Найди их. Коснись.

Я упираюсь лбом в холодную стену и тихо скулю. Как собака. Как волчица. Как тварь, которой я, видимо, и являюсь.

Нет. Хватит. С меня хватит.

Одеваюсь. Выхожу из комнаты. Спускаюсь вниз. Нахожу пожилого мужчину с седой бородой — того самого, с первого вечера. Он сидит на крыльце и чинит что-то, похожее на рыболовную сеть.

— Как мне уйти? — спрашиваю без предисловий.

Он поднимает голову. Смотрит спокойно.

— Уйти?

— Покинуть территорию. Выйти на дорогу. Уехать.

— Ты свободна, девочка. Тебя никто не держит.

— Тогда покажи мне дорогу.

Он показывает. Рукой — на запад, через поляну, мимо трёх сосен, потом тропинка выведет к грунтовке, а оттуда — до трассы три километра.

Я благодарю. Иду.

Прохожу поляну. Миную три сосны. Вхожу в лес. Тропинка петляет, и с каждым шагом метка горит сильнее. Не призывающе — протестующе. Как будто кто-то тянет из меня жилу. Медленно. Неумолимо.

Первый километр — терпимо. Больно, но терпимо. Зубы стиснуты, кулаки сжаты, но ноги идут.

Второй — хуже. Боль расползается от метки по всему левому боку, как трещина в стекле. Я останавливаюсь, опираюсь о дерево. Дышу. Иду дальше.

Третий — не могу.

Боль бьёт так, что ноги подкашиваются. Я падаю на колени посреди тропинки и зажимаю рот ладонью, чтобы не

кричать. Метка пылает. Не горит — пылает, как будто кто-то вдавливают в мой бок раскалённое клеймо. И с каждой секундой хуже.

Тело скручивает. Я ложусь на бок, подтянув колени к груди, и лежу на холодной земле, дрожа всем телом. Слёзы текут по щекам — я их не чувствую. Чувствую только огонь.

И два ритма. Два бешеных, отчаянных пульса.

Они тоже чувствуют.

Они знают.

Я успеваю подумать: «Какая же я идиотка» — и теряю сознание.

Прихожу в себя от прохлады.

Что-то мокрое и холодное на лбу. Мягкая поверхность под спиной. Запах — два запаха — дым и хвоя, нагретая древесина. Оба рядом. Оба здесь.

Открываю глаза.

Моя комната. Моя кровать. Мокрое полотенце на лбу. И два стула, поставленных по обе стороны кровати.

Демьян — справа. Сидит, навалившись локтями на колени, сцепив руки. Лицо — напряжённое, бледное под загаром. Скулы заострились, как будто он не ел сутки.

Матвей — слева. Сидит прямо, руки на коленях. Спокойный. Но я вижу его руки — костяшки белые. Он так сильно сжимает собственные пальцы, что побелели суставы.

— Какого чёрта? — хрипло спрашиваю я.

— Это мы должны спросить, — говорит Демьян. Голос —

глухой, сдавленный. — Какого чёрта ты полезла в лес?

— Я уходила.

— Уходила. — Он произносит это слово так, будто оно ядовитое. — Ты чуть не умерла, Мира. Если бы мы не почувствовали...

— Она потеряла сознание от болевого шока, — говорит Матвей. Ровно. Тихо. Но в его тишине сейчас столько подавленного, что воздух вокруг него дрожит. — Ещё пять минут — и сердце могло остановиться.

— Я не просила эту метку, — шепчу я. Горло саднит, как будто я кричала. Может, и кричала. — Не просила. Не выбирала. Я хочу нормальную жизнь. Хочу вернуться в свою комнату с тараканами, на свою кассу, к своей нормальной, скучной, человеческой жизни. Я не хочу быть вашей парой, вашей волчицей, вашей чёртовой надеждой!

Голос срывается. Я сажусь на кровати, и полотенце падает на одеяло, и слёзы — снова — текут по щекам. Горячие, злые, бессильные.

Демьян встаёт. Его стул скрежещет по полу. Он делает шаг к кровати, и я поднимаю руку — останавливаю.

— Не подходи.

— Мира...

— Не подходи! — кричу я. — Каждый раз, когда вы рядом, я перестаю быть собой! Превращаюсь в какое-то животное, которое только и хочет, что... — Осекаюсь. Закрываю лицо ладонями.

Тишина. Долгая, мучительная.

Потом — голос Матвея. Тихий, как шёпот леса за окном.

— Ты не вещь, Мира. И не животное. И мы не будем тебя заставлять.

Я убираю ладони. Смотрю на него сквозь мокрые ресницы.

— Тогда что? — спрашиваю. — Что мне делать? Я не могу уйти — метка убьёт. Не могу остаться — потеряю себя. Что мне делать?

Матвей поворачивается к Демьяну. И между ними снова проходит тот молчаливый разговор — но на этот раз я чувствую его. Через метку. Напряжение, несогласие, потом — уступка. Чья — не разберу.

— Есть третий вариант, — говорит Матвей. — Не ритуал. Не побег. Промежуточный.

— Какой?

— Принятие, — отвечает он. — Частичное. Без ритуала, без... близости. Просто — принять связь. Позволить метке успокоиться. Для этого нужен физический контакт, но не...

— Не секс, — заканчивает Демьян. Грубо. Прямо. — Прикосновения. Близость. Просто быть рядом. Спать в одной комнате. Касаться. Метка перестанет жечь, тело успокоится, и ты сможешь думать головой, а не...

— Демьян, — обрывает Матвей.

— Что? Я пытаюсь быть честным.

Я смотрю на них. На обоих.

На Демьяна, который стоит надо мной — огромный, злой, напуганный. Да, напуганный. Я вижу это сейчас. За бравадой, за хищными ухмылками и пошлыми шуточками — страх. Он боится. За меня. За себя. За то, что эта невозможная, нелепая ситуация развалится, и он потеряет что-то, чего даже не успел получить.

На Матвея, который сидит рядом — тихий, терпеливый. Который всю ночь сидел у моей кровати и ждал, пока я приду в себя. Который просил разрешения прежде, чем коснуться. Который боится не меньше Демьяна — но по-другому. Он боится причинить мне боль.

И я понимаю — с ледяной, пронзительной ясностью — что они тоже не выбирали. Также не просили. Что для них я — не приз и не добыча. Что для них я — такая же аномалия, как они для меня.

И что мы все трое — в одной ловушке.

— Ладно, — говорю я. Голос — хриплый, разбитый. — Ладно. Третий вариант. Но на моих условиях.

— Каких? — спрашивает Демьян.

— Никто не трогает меня без разрешения. Никто не входит в мою комнату без стука. И если я говорю «стоп» — вы останавливаетесь. Мгновенно. Без вопросов.

— Принято, — кивает Матвей.

— Демьян?

Он стискивает челюсть. Я вижу, как ходят желваки.

— Принято, — выдавливает он.

— Хорошо. — Я ложусь обратно. Накрываюсь одеялом.
— Тогда начнём с малого. Просто... будьте здесь. Рядом. Пока я усну.

Тишина. Потом — скрип стульев. Они садятся обратно. По обе стороны кровати. Два стража. Два волка.

Я закрываю глаза.

Метка пульсирует. Два ритма. Но впервые — не болезненно. Ровно. Спокойно. Как два сердца, бьющихся в такт с моим.

Засыпаю.

Впервые за три дня — без кошмаров.

Глава 6. «Её зверь просыпается»

Просыпаюсь от того, что мне тепло.

Не просто тепло — хорошо. Так хорошо, как не было, наверное, никогда. Тело расслаблено, метка молчит — не горит, не пульсирует, просто тихонько гудит, как натянутая струна, по которой провели пальцем и оставили затихать. Я лежу с закрытыми глазами и слушаю это гудение, и не хочу просыпаться.

Потом чувствую.

Рука. Тяжёлая, горячая. На моей талии. Поверх одеяла, но всё равно — я ощущаю каждый палец, каждую фалангу, как будто между нами ничего нет.

И вторая. На моих волосах. Не гладит — просто лежит. Кончики пальцев касаются виска.

Открываю глаза.

Они спят. Оба.

Демьян — справа. Его стул отъехал назад, и он сполз вниз, положив голову на край кровати. Правая рука — на моей талии. Лицо — расслабленное, мягкое. Впервые я вижу его таким. Без хищной ухмылки, без напряжённых скул. Во сне он выглядит моложе. Уязвимее. Тёмные ресницы — длинные, почти женские — лежат на скулах, и я ловлю себя на том, что хочу их потрогать.

Матвей — слева. Тоже сполз, тоже положил голову на

край. Его рука — на моих волосах. Он дышит ровно, глубоко, и в утреннем свете его волосы — русые, не тёмные, как у брата — отливают золотом.

Они уснули, пока караулили меня. И во сне — потянулись. Инстинктивно. К той, кого метка назначила их парой.

Я лежу между ними и не двигаюсь. Не потому что боюсь разбудить. Потому что если я пошевелюсь — это закончится. Этот момент. Эта тишина. Это невозможное, абсурдное, ненормальное ощущение покоя.

Лежу и думаю: вот как это чувствуется. Принадлежать.

Потом злюсь на себя за эту мысль. Резко сажусь.

Оба просыпаются мгновенно. Одинаковый жест — рывок, напряжение, глаза открываются и тут же фокусируются. На мне.

— Что? — Демьян. Хриплый со сна. — Что случилось?

— Ничего. — Я убираю волосы с лица. — Утро.

Он моргает. Смотрит на свою руку, которая секунду назад лежала на моей талии. Потом — на меня. И я вижу, как он понимает. Как ему становится — что? Неловко? Демьяну?

Да. Ему неловко. Он убирает руку, выпрямляется, отворачивается. Проводит ладонью по лицу. Встаёт.

— Я... пойду, — говорит он. И выходит. Быстро. Почти сбегает.

Матвей действует иначе. Он убирает руку с моих волос медленно, без резких движений. Потом выпрямляется на стуле. Смотрит на меня.

— Прости, — говорит он. — Не хотел нарушить правило.

— Ты спал.

— Это не оправдание.

— Матвей. Ты спал. И я... — Замолкаю. Хочу сказать: мне понравилось. Не говорю. — Всё нормально.

Он кивает. Встаёт. Идёт к двери.

— Матвей.

Останавливается.

— Метка не болит, — говорю я. — Впервые за три дня не болит.

Он оборачивается. И улыбается. Не широко — чуть-чуть. Уголком рта. Но эта улыбка меняет всё его лицо. Делает его... красивым? Нет, он и так красивый. Делает его живым.

— Хорошо, — говорит он. И уходит.

После завтрака — молчаливого, потому что Демьян избегает моего взгляда, а Матвей слишком вежлив, чтобы комментировать, — я выхожу на крыльцо.

Утро — холодное, яркое. Роса блестит на траве, лес стоит стеной, и в воздухе пахнет осенью, хотя ещё август. Я сажусь на ступеньки и просто дышу.

— Можно?

Оборачиваюсь. Кира. Стоит позади, руки в карманах тёплой куртки.

— Садись.

Она садится рядом. Молчим. Смотрим на лес.

— Как ты? — спрашивает она наконец.

— Живая.

— Слышала, ты попыталась уйти.

— Новости быстро расходятся.

— Это стая. Здесь секретов нет. — Она усмехается. — Особенно когда два альфы в панике несут бессознательную женщину через весь двор.

Я представляю это. Демьян — бегущий, с моим телом на руках. Матвей — рядом. Все эти люди — смотрящие.

— Отлично. Значит, все знают, что я — беспомощная идиотка.

— Все знают, что ты — упрямая сука с характером, которая чуть не убила себя, лишь бы не подчиниться. — Кира поворачивается ко мне. — Это, между прочим, комплимент. Волки уважают силу.

— Я не волк.

— Ты полукровка. И я тебе вот что скажу — то, что ты прошла два километра с горящей меткой, не теряя сознания... это ненормально. Чистокровная волчица свалилась бы через пятьсот метров.

Я смотрю на неё.

— Что ты хочешь сказать?

— Что в тебе больше зверя, чем ты думаешь. Просто он ещё не проснулся.

— Матвей говорил, что полукровки не обращаются.

— Большинство — нет. Но ты — не большинство. Ты — истинная двух альф. Если ритуал пробуждает спящих волков

по всему клану — представь, что он сделает с тобой.

Я не хочу представлять.

Но зверь — то, что они называют зверем — шевелится. Внутри, где-то под рёбрами, рядом с меткой. Я чувствую это уже второй день. Не движение — присутствие. Как будто кто-то спит в тесной комнате, ворочается, но не просыпается.

Пока не просыпается.

— Кира, — говорю я. — Ты волчица?

— Да.

— Каково это? Обращаться?

Она молчит. Долго. Потом говорит — и голос её меняется. Становится мягче. Теплее.

— Это как... знаешь, когда ты всю жизнь носишь обувь на размер меньше. Привыкла. Не замечаешь. А потом снимаешь — и чувствуешь землю. Каждый камешек, каждую травинку. Больно, непривычно, но правильно. Вот обращение — это когда ты снимаешь обувь и бежишь. По-настоящему. Быстрее ветра. И понимаешь, что всю жизнь ходила, а могла бежать.

У меня мурашки. От её слов, от её голоса — и от того, что зверь внутри поднял голову и слушает.

— Я не готова, — шепчу я.

— Знаю, — кивает Кира. — Но он не будет спрашивать, готова ли ты. Когда придёт время — просто проснётся.

Вечером Матвей приносит мне книги. Стопку — пять

штук. Кладёт на стол в моей комнате.

— Что это?

— Хроники клана. История. Законы. Описание ритуалов.

— Он стоит у двери, не входит. Ждёт приглашения. — Ты сказала, что хочешь знать всё. Вот — всё.

Я беру верхнюю. Тяжёлая, в кожаном переплёте. Открываю. Рукописный текст — но разборчивый, переведённый на современный русский.

— Кто переводил?

— Я.

Смотрю на него. Он стоит в дверном проёме — высокий, широкоплечий, в простой серой рубашке, и выглядит как... учитель. Или библиотекарь. Если бы библиотекари были под два метра ростом и могли превращаться в волков.

— Спасибо, — говорю я.

— Если будут вопросы — я в кабинете.

— Матвей.

— Да?

— Зайди. Расскажи мне. Я... — Сглатываю. Просить тяжело. Просить о близости — невыносимо. — Мне легче, когда ты рядом.

Он замирает. Я вижу, как дрогнули его пальцы на дверном косяке. Как расширились зрачки. Как он сглотнул — кадык дёрнулся.

— Ты уверена?

— Да. Только... — Поднимаю палец. — Стул. Дистанция.

Правила.

— Конечно.

Он входит. Берёт стул, ставит у стола — не у кровати. Садится.

Я сажусь на кровать, открываю книгу. И он начинает рассказывать.

Про клан. Про историю, которая тянется на шестьсот лет — в леса, в горы, в те времена, когда волки и люди жили ближе друг к другу, и граница между ними была тоньше. Про то, как менялись законы. Как волчицы боролись за свои права — не все и не сразу, но боролись. Про войны с другими кланами. Про альянсы. Про предательства.

Он рассказывает хорошо. Спокойно, подробно, останавливаясь, когда я спрашиваю. А я спрашиваю много. И с каждым вопросом чувствую, как картина мира — моего мира — трещит и перестраивается.

Оборотни — не монстры из фильмов. Не дикие звери. Это люди. С волком внутри, с другими правилами, с другой физиологией — но люди. Они любят, ненавидят, боятся, надеются. Растят детей. Хоронят стариков. Ссорятся из-за дорог и мирятся за общим столом.

Как семья.

Та семья, которой у меня никогда не было.

— Матвей, — говорю я после двух часов. Книга лежит на коленях, открытая на странице с рисунком — два волка, стоящих плечом к плечу. — Расскажи мне про вашего отца.

Он замолкает. Впервые за весь вечер — замолкает.

— Его звали Григорий, — говорит он после паузы. — Он был... большим. Во всех смыслах. Большой человек, большой волк, большое сердце. Он держал клан вместе одной силой воли. Когда он умер — всё посыпалось.

— Как он умер?

— Рак. — Матвей криво усмехается. —оборотни болеют редко, но когда болеют — лечить почти невозможно. Наше тело отторгает человеческие лекарства, а волчья регенерация не справляется с тем, что растёт изнутри.

— Мне жаль.

— Мне тоже. Каждый день.

Тишина. Я закрываю книгу.

— А ваша мать?

— Умерла при родах. При наших родах. — Он смотрит в окно. — Близнецы от двух разных альф — это огромная нагрузка на тело. Она не выдержала.

— Значит, вы...

— Двое. Росли без матери. С отцом, который любил нас, но не знал, что с нами делать. Два альфы в одной семье — это как два пожара в одной комнате. Мы дрались с пяти лет. За всё — за игрушки, за место за столом, за внимание отца. Потом выросли, и стало... — Он подбирает слово. — Сложнее.

— Кира говорит, вы до сих пор дерётесь.

— Кира много говорит. — Но он не злится. — Да. Дерём-

ся. Реже, чем раньше. Но... — Он трёт переносицу. Тот самый жест. — Демьян — огонь. Он действует, потом думает. Идёт напролом. Рычит, когда не согласен. Бьёт, когда не может объяснить. Я — наоборот. Думаю, потом действую. Иногда — слишком долго думаю. Пока думаю — момент уходит.

— Вы дополняете друг друга.

— В теории. На практике — каждый считает свой способ единственно верным. — Пауза. — До тебя.

— До меня?

— Ты — первое, в чём мы согласны. Первое за тридцать лет. — Он поворачивается ко мне. Серые глаза — тёмные в свете настольной лампы. — Когда мы оба почувствовали метку, когда поняли, что истинная — одна на двоих... впервые в жизни мы не стали драться. Впервые посмотрели друг на друга и сказали: ладно. Вместе.

Я не знаю, что ответить.

Он встаёт.

— Поздно. Тебе нужно спать.

— Матвей.

— Да?

— Останься.

Слово вырывается раньше, чем я успеваю его поймать. Останься. Не «посиди ещё». Не «расскажи ещё». Останься.

Он стоит, и я вижу, как борьба проходит по его лицу. Желание — и страх. Голод — и контроль.

— Мира...

— Стул. Дистанция. Правила. Просто... не уходи.

Он садится обратно. Я гашу свет. Ложусь.

Темнота. Его дыхание — ровное, глубокое. Метка гудит тихо, мягко. Как колыбельная. Его ритм.

А потом — другой звук. За дверью. Тихий, едва слышный. Шаги. Кто-то подошёл, остановился. Стоит.

Демьян.

Я чувствую его через дверь. Горячий, тёмный пульс метки — быстрый, рваный. Он стоит за дверью и не входит. Не стучит. Просто стоит.

И ждёт.

Я открываю рот. Хочу сказать: заходи. Но горло перехватывает. Потому что одно дело — Матвей. Матвей — безопасный. Тёплый. Контролируемый. А Демьян — нет. Демьян — это пожар, и если я впущу его сейчас, в темноту, в эту комнату, где мои правила и так трещат по швам...

Молчу.

Шаги за дверью. Удаляются. Стихают.

Метка дёргается. Больно. Коротко. Как будто кто-то дёрнул за нитку и отпустил.

Он ушёл.

И я лежу в темноте, слушаю дыхание Матвея, чувствую пустоту за дверью — и понимаю, что сделала выбор. Маленький. Несправедливый. Впустила одного, оставила другого за порогом.

И от этого больно не метке. Мне.

Утро четвёртого дня.

Я стою перед зеркалом в ванной и рассматриваю себя.

Что-то изменилось.

Лицо — то же. Глаза — серо-зелёные, как у матери, на-
верное. Волосы — тёмные, до лопаток. Обычное лицо. Но...

Кожа. Она светится. Не буквально — но как будто под ней
появился свет, которого раньше не было. И синяки — те, что
остались от наручников — побледнели. За ночь. Вчера были
лиловые, сегодня — жёлтые, как будто прошла неделя.

Поднимаю футболку. Смотрю на метку. И отступаю на
шаг.

Она изменилась.

Два полумесяца стали чётче. Выпуклее. И — это новое —
от них расходятся тонкие линии, похожие на корни. Или ве-
ны. Тёмные, едва заметные, они тянутся от метки к рёбрам,
к бедру, вниз по животу. Как будто метка растёт. Пускает
корни в моё тело.

Касаюсь одной из линий кончиком пальца. И чувствую —
не кожей, а где-то глубже — как что-то внутри отзывается.
Шевелится. Потягивается, как зверь, который проснулся, но
ещё не открыл глаза.

Нет.

Нет, нет, нет.

Одеваюсь. Выхожу. Бегу по коридору.

Матвея нет в кабинете. Сбегаю вниз. Кухня — Ольга
Дмитриевна, дети, запах блинов. Матвея нет. Демьяна —

нет.

— Где они? — спрашиваю Ольгу Дмитриевну.

Она кивает на окно. Я подхожу. Смотрю.

На поляне за домом — два волка.

Дерутся.

Серебристо-серый — крупный, мощный, с широкой грудью. Матвей. Я знаю это, чувствую — его ритм. Ровный даже сейчас, когда он уворачивается от клыков и бьёт лапой.

Чёрный — больше, резче, злее. Демьян. Его ритм — бешеный. Он нападает, рычит, щёлкает зубами. Серебристый уклоняется, контратакует.

Они не играют. Это настоящая драка. Шерсть летит клочьями, на траве — кровь. Люди вокруг стоят и смотрят. Никто не вмешивается.

— Почему никто не остановит их?! — кричу я.

— Альфы дерутся — не лезь, — спокойно отвечает Ольга Дмитриевна. — Сами разберутся.

Я выбегаю на крыльцо.

Чёрный волк — Демьян — сбивает серебристого с ног. Наваливается сверху. Клыки — у горла. Серебристый рычит, извивается, бьёт задними лапами.

И я кричу.

— Хватит!

Не знаю, откуда берётся этот голос. Не мой — глубже, ниже, с вибрацией, которая проходит через грудь и уходит в землю.

Оба волка замирают. Одновременно. Как будто их выключили.

Поворачивают головы. Смотрят на меня.

И зверь внутри — тот, что спал, ворочался, слушал — открывает глаза.

Я чувствую это. Как вспышку. Как удар. Как первый вдох после долгого, долгого погружения под воду.

Колени подгибаются. Хватаюсь за перила крыльца. Мир вокруг — резче. Ярче. Я слышу всё: сердцебиение обоих волков, шёпот людей за спиной, шорох ветра в кронах. Чувствую запахи — десятки, сотни — землю, кровь, мех, страх, злость, и под всем этим — два знакомых запаха, два якоря.

Дым и хвоя. Нагретая древесина.

Мои.

Оба волка поднимаются. Стоят, смотрят на меня. Чёрный — с кровью на морде. Серебристый — с рваным ухом. Оба — виноватые. Оба — потрясённые.

Потому что они тоже почувствовали.

Мой зверь проснулся.

И впервые в жизни мне не страшно. Впервые в жизни я чувствую не пустоту — а силу. Свою собственную. Звериную, древнюю, дикую.

Мою.

Я выпрямляюсь. Отпускаю перила. Смотрю на двух огромных волков, стоящих передо мной на залитой кровью траве.

— Хватит, — повторяю я. Тише. Но зверь внутри вкладывает в это слово столько власти, что оба волка опускают головы.

Склоняются.

Передо мной.

И я понимаю — с пронзительной, звенящей ясностью — что это не подчинение. Это признание. Два альфы, два вожака, два самых сильных волка в клане — признают мою силу.

За моей спиной — тишина. Ни шёпота, ни шороха. Весь клан смотрит.

И впервые за двадцать три года я стою прямо.

Глава 7. «Между двумя огнями»

После того, что случилось на поляне, всё меняется.

Не сразу. Не с грохотом. Тихо, как меняется течение реки — вроде бы та же вода, те же берега, но направление уже другое, и вернуть обратно невозможно.

Люди смотрят на меня иначе.

Раньше — с любопытством, настороженностью, иногда с раздражением. Теперь — с чем-то, что я не сразу распознаю. Уважение? Нет, не то. Ожидание. Они ждут. Чего — пока не понимаю, но это висит в воздухе, как запах грозы перед первым ударом.

Ольга Дмитриевна кладёт мне на тарелку тройную порцию. Молча. Без комментариев про удобу. Просто кладёт — и смотрит, пока я не съем всё.

Дети перестают разбегаться, когда я вхожу в комнату. Маленькая девочка лет пяти — Таня, кажется — подходит ко мне в коридоре, молча берёт за руку и ведёт на кухню. Показывает рисунок: три фигуры. Две большие, одна поменьше посередине.

— Это кто? — спрашиваю.

— Ты, — говорит она. — И твои волки.

Мои волки.

Забираю рисунок. Потом вешаю его на стену в своей комнате. Не знаю зачем. Просто хочу.

Демьян избегает меня два дня.

Это странно. Не потому что он прячется — спрятаться в этом доме невозможно, метка не даёт. Я чувствую его постоянно: тёмный горячий пульс, чуть быстрее, чем обычно. Он уходит в лес на рассвете, возвращается поздно. Сидит на дальнем конце стола за ужином. Не смотрит в мою сторону.

Но я чувствую, как он смотрит, когда я отворачиваюсь.

Это раздражает. Колет. И зверь внутри — мой новый, незнакомый зверь — скулит. Тихо, жалобно. Ему не нравится расстояние. Ему нужны оба.

На второй вечер я не выдерживаю.

Нахожу его за домом. Он сидит на поваленном бревне у костра, который сам же развёл. Один. Пламя освещает его лицо снизу, и тени ложатся резко — под скулами, под бровями, в ямке между ключицами. Рубашка расстёгнута. На рёбрах справа — длинная розовая полоса. Свежий шрам. От драки с Матвеем.

— Можно? — спрашиваю.

Он не оборачивается.

— Свободная страна. — Пауза. — Свободный лес.

Сажусь на другой конец бревна. Между нами — метр. Костёр потрескивает. Пахнет дымом, смолой. Его запахом.

Молчим.

Долго.

— Ты злишься, — говорю наконец.

— Нет.

— Врёшь. Я чувствую.

Он поворачивает голову. Смотрит на меня — и в его глазах столько всего, что я на секунду теряю дыхание. Злость — да. Но под ней — боль. Настоящая, живая, рваная.

— Ты впустила его, — говорит Демьян. Тихо. — Попросила остаться. Его.

Мне нечего ответить. Потому что это правда.

— Я стоял за дверью, — продолжает он. — Как дурак. Как пёс, которого не пускают в дом. Стоял и слушал, как ты дышишь. Как успокаиваешься. Рядом с ним.

— Демьян...

— Я знаю. — Он поднимает руку, останавливая. — Знаю, почему. Он — безопасный. Тёплый. Правильный. А я — нет. Я — тот, кто прижал тебя к стене. Кто напугал. Кто сказал про запах... — Он морщится, как от удара. — Я знаю, какой я. Не надо объяснять.

— Ты не дослушал.

— А что слушать?

— Что мне было страшно. — Мой голос — тихий, но ровный. — Не тебя. Себя. Того, что я чувствую рядом с тобой. С Матвеем — тепло. Спокойно. Понятно. А с тобой — как стоять на краю обрыва. Всё внутри кричит: прыгай. И это пугает, потому что я не знаю, что внизу.

Он смотрит на меня. Пламя отражается в его тёмных зрачках.

— Что внизу? — спрашивает он.

— Не знаю. Поэтому и не прыгаю.

Тишина. Костёр стреляет искрой. Она взлетает в чёрное небо и гаснет.

— Я не умею быть мягким, — говорит Демьян. И впервые его голос — не хриплый, не резкий. Просто усталый. — Не умею просить разрешения. Не умею ждать. Матвей — умеет. Он всегда был лучше меня в этом. В словах, в терпении, в... — жест рукой, — в человеческом.

— Ты тоже человек.

— Я больше волк, чем человек. Всегда был. Отец говорил: Демьян, в тебе зверя на троих, а ума — на половину. — Горькая усмешка. — Он был прав.

— Не был.

Демьян поднимает брови.

— Ты стоял за дверью, — говорю я. — Не вошёл. Не выбил. Не потребовал. Стоял — и ушёл. Это не зверь. Это человек, который уважает чужие границы, даже когда ему больно.

Он молчит. Долго. Так долго, что я думаю — не услышал. Или не хочет слышать.

Потом:

— Скажи это ещё раз.

— Что?

— Что я — не только зверь.

И в его голосе — в этой просьбе, тихой, почти детской — я слышу мальчика, который вырос без матери. Который

всю жизнь был «тем буйным». «Тем опасным». «Тем, от кого надо держаться подальше». Который привык, что его боятся, и решил — раз так, буду тем, кого боятся. Потому что это проще, чем быть тем, кого не любят.

Я знаю эту стратегию. Я сама ею пользовалась. Двадцать три года.

Встаю с бревна. Подхожу к нему. Он сидит, я стою — и впервые мы почти на одном уровне. Его глаза — напротив моих.

— Ты — не только зверь, — говорю я. — Демьян.

Протягиваю руку. Ладонью вверх. Открытая. Пустая. Моя.

Он смотрит на неё. На мою руку. Как на что-то невозможное. Как на чудо, в которое разучился верить.

Потом берёт.

Его ладонь — огромная, горячая, шершавая. Пальцы смыкаются вокруг моих, и метка — метка вспыхивает. Тёмным, глубоким жаром. Не болезненным. Другим. Как будто кто-то повернул ключ в замке, который был заперт всю мою жизнь.

Зверь внутри поднимает голову и — я чувствую это — урчит. Довольно. Низко. Утробно.

Демьян чувствует тоже. Его зрачки расширяются, дыхание сбивается. Пальцы сжимаются на моих — крепко, на грани, но не больно.

— Мира, — говорит он. Хрипло. — Если ты сейчас не уберёшь руку, я...

— Что?

— Я не смогу остановиться.

— На чём?

Он встаёт. Резко. Моя рука — в его. Он тянет меня к себе, и я делаю шаг, и ещё один, и вот мы стоим — вплотную. Грудь к груди. Его свободная рука поднимается к моему лицу, и я жду — жду, что он схватит, прижмёт, сделает то, что делал раньше.

Но он не делает.

Его пальцы висят в миллиметре от моей щеки. И он ждёт. Смотрит мне в глаза и ждёт.

Просит разрешения.

Как Матвей.

По-своему — грубее, рванее, с дрожью в пальцах и пожаром в зрачках — но просит.

— Можно? — шепчет он. И в этом слове — всё. Вся его жизнь, весь голод, вся боль, все годы, когда никто не подпускал его достаточно близко.

— Можно, — шепчу я.

Его ладонь ложится мне на щёку.

И мир — взрывается.

Не метафора. Ощущение — физическое, реальное, оглушающее. Как будто через меня пропустили ток. Каждый нерв, каждая клетка — горит. Не больно — невыносимо хорошо. Я чувствую всё: его пульс через кожу, его страх, его нежность — да, нежность, огромную, неловкую, звериную

нежность, которую он прячет так глубоко, что, наверное, сам забыл о ней.

И его желание.

Оно обрушивается на меня волной — тёмной, горячей, тяжёлой. Он хочет меня. Так сильно, что это ощущается как боль. Хочет — не просто тело, не просто секс. Хочет целиком. Мой смех, мои слёзы, моё дыхание по утрам, мои злые слова, мои мягкие. Хочет знать, как я выгляжу, когда счастлива. Хочет быть причиной.

Слёзы. Опять. Текут по щекам, по его пальцам.

— Не плачь, — говорит он. Тихо. Хрипло. — Пожалуйста.

— Я не плачу. Это... — Не могу объяснить. Это слишком.

Слишком много чувств — его и моих — в одном прикосновении.

Он наклоняется. Лбом к моему лбу. Закрывает глаза. Стоим так — в темноте, у догорающего костра, лоб ко лбу, рука к щеке.

Его дыхание — на моих губах. Тёплое. Рваное.

Он мог бы поцеловать меня. Прямо сейчас. Одно движение — и наши губы встретятся, и я знаю, абсолютно знаю, что не остановлю его. Что не захочу останавливать.

Но он не целует.

Стоит. Дышит. Держит.

— Хватит на сегодня? — спрашивает он.

— Хватит, — шепчу я.

Он убирает руку. Отступает. И я вижу, чего ему это стоит

— по тому, как побелели костяшки сжатых кулаков, по тому, как напряглась каждая мышца его тела, по тому, как он стискивает зубы так, что на скулах ходят тени.

— Спокойной ночи, — говорит он. Разворачивается. Уходит в темноту.

Я стою у потухающего костра и прижимаю ладонь к щеке. К тому месту, где была его рука. Кожа горит. Метка поёт.

И зверь внутри воет — тихо, протяжно, тоскливо.

По нему.

Той ночью я не прошу Матвея остаться.

Лежу одна. Смотрю в потолок. И думаю.

С Матвеем — тепло. Покой. Нежность, которая обволакивает, как одеяло. Рядом с ним я чувствую себя защищённой. Ценной. Любимой — даже если это слово ещё рано произносить.

С Демьяном — огонь. Обрыв. Свободное падение, от которого захватывает дух. Рядом с ним я чувствую себя живой. Настоящей. Сильной — потому что только сильная женщина может стоять рядом с ним и не сгореть.

Два разных чувства. Два разных мужчины. Одна метка.

И я — посередине.

Между двумя огнями. Один — ровный, как пламя свечи. Другой — дикий, как лесной пожар.

Кира сказала: делай это ради себя. Не ради них. Не ради клана.

Но как — ради себя — если я не знаю, кто я? Человек?

Волчица? Полукровка, которая застряла между двумя мирами и не принадлежит ни одному?

Закрываю глаза.

Зверь внутри свернулся клубком под рёбрами. Тёплый. Живой. Мой.

Он знает ответ. Я — пока нет.

На пятый день приходит жрец.

Я узнаю об этом за завтраком — по тому, как меняется атмосфера в доме. Люди двигаются быстрее. Говорят тише. Ольга Дмитриевна готовит что-то особенное — кухня завалена травами, мясом, свежей рыбой.

— Что происходит? — спрашиваю Киру.

— Велес приехал, — отвечает она. И по её лицу — обычно ироничному, дерзкому — пробегает тень чего-то, похожего на благоговение.

— Велес?

— Жрец. Хранитель ритуалов. Он живёт далеко, в горах. Приезжает только по важным поводам.

— Я — важный повод?

Кира смотрит на меня.

— Ты — самый важный повод за последние триста лет.

Его приводят в дом после полудня. Вернее — он приходит сам. Дверь открывается, и в кухню, где я сижу с книгой, входит старик.

Нет. Не старик. Человек без возраста.

Высокий. Худой, но не болезненно — жилистый, как вы-

сушенный корень. Лицо — тёмное, обветренное, изрезанное морщинами. Длинные седые волосы, собранные в узел на затылке. И глаза — жёлтые. Волчьи. Яркие, как фонари в темноте.

Он входит, и воздух в комнате меняется. Становится плотнее. Тяжелее. Как будто сама гравитация увеличилась.

Зверь внутри меня — тот, который мирно дремал — вскакивает. Вжимается в рёбра. Не от страха — от узнавания. Как щенок, который чувствует вожака.

Велес останавливается посреди кухни. Смотрит на меня. Долго. Его жёлтые глаза проходят по мне — не как у Демьяна, не раздевая. Глубже. Как будто он смотрит не на тело, а на то, что внутри.

— Встань, — говорит он.

Я встаю. Не потому что он приказывает — потому что тело подчиняется раньше, чем голова успевает возразить.

— Подойди.

Подхожу.

Он протягивает руку — сухую, узловатую, с длинными пальцами — и кладёт мне на грудь. Прямо на сердце. Ладонь — горячая. Нет. Раскалённая. Я чувствую жар через ткань, через кожу, через кость — прямо в сердцевину.

Зверь внутри скулит. Потом рычит. Потом — затихает.

Велес закрывает глаза. Стоит так — секунду. Десять. Тридцать. Я не двигаюсь. Не дышу. Мир сузился до его ладони на моей груди.

Потом он открывает глаза. Убирает руку. И улыбается. Улыбка — странная. Не добрая, не злая. Знающая.

— Мирославина дочь, — говорит он. — Наконец-то.

И поворачивается к двери, в которой — я чувствую раньше, чем вижу — стоят оба. Матвей и Демьян. Плечом к плечу. Впервые — не друг против друга.

— Луна через три дня, — говорит Велес. — Полная. Ждать дольше нельзя.

— Она не готова, — говорит Матвей.

— Она готова. — Жёлтые глаза снова на мне. — Её зверь уже не спит. Он ждёт. Ещё неделя — и начнёт рвать её изнутри. Первое обращение без ритуала, без поддержки пары — убьёт полукровку. Ты это знаешь, Матвей. Ты это читал.

Тишина.

Я смотрю на Матвея. Он — бледный. Скулы заострились. Он знал. Читал в своих книгах, изучал — и не сказал мне.

— Ты знал, — говорю я.

— Я хотел дать тебе время...

— Ты знал.

Он молчит. Опускает глаза.

— Три дня, — повторяет Велес. — Луна не ждёт. Зверь не ждёт. Решай, дочь Мирославы. Но решай быстро.

И выходит. Тихо, бесшумно, как тень.

Я стою посреди кухни. Метка пульсирует. Зверь ворочается. За окном — солнце, лес, нормальный мир.

Три дня.

У меня три дня, чтобы решить — жить или умереть. Принять или сгореть. Стать их парой или остаться никем.

Прыгнуть — или стоять на краю, пока обрыв не рухнет под ногами.

Я смотрю на Демьяна. На Матвея. На двух мужчин, которых не выбирала, но которые — мои. По какому-то древнему, звериному, нечеловеческому закону — мои.

— Три дня, — говорю я.

И ухожу в свою комнату.

Зверь внутри поднимает голову. И впервые — впервые — я слышу его голос. Не слова. Чувство.

Наконец.

Глава 8. «Три дня до луны»

День первый.

Утро начинается с крика.

Моего крика.

Просыпаюсь от того, что тело выгибается дугой на кровати — позвоночник трещит, мышцы скручиваются, и боль — не в метке, не снаружи — внутри, глубоко, там, где свернулся зверь, — прошивает меня от затылка до копчика.

Кричу. Не могу остановиться. Пальцы впиваются в простыню, рву ткань — слышу треск — и ору, ору в потолок, и зверь внутри бьётся о рёбра, как птица в клетке, и я чувствую его ярость, его отчаяние, его голод — он хочет наружу, наружу, наружу —

Дверь.

Грохот. Петли визжат. Оба — одновременно — влетают в комнату.

Демьян — первый. Он падает на колени у кровати, хватается меня за плечи, прижимает к себе. Его тело — горячее, твёрдое, пахнущее сном и дымом — обхватывает моё, и зверь внутри на секунду замирает. На одну секунду.

Потом — Матвей. Его рука — на моём затылке. Пальцы в волосах. Другая — на метке, прямо через футболку, и от его прикосновения жар расползается по телу, и боль — не уходит, но меняется. Становится терпимой. Управляемой.

— Дыши, — говорит Матвей. — Мира. Дыши. Медленно. Со мной. Вдох.

Вдох. Рванный, хриплый, но вдох.

— Выдох.

Выдох.

— Ещё.

Ещё. И ещё. И ещё. Демьян держит. Матвей направляет. Два якоря в шторме, который рвёт меня изнутри.

Постепенно — медленно, мучительно — зверь отступает. Не уходит — отступает. Ложится обратно, скалясь. Недовольный. Голодный. Но — тише.

Я обмякаю в руках Демьяна. Лицом — в его шею. Чувствую пульс — быстрый, отчаянный, его сердце бьётся у моих губ. Дышу им. Дымом. Хвоей. Чем-то диким.

Матвей — сзади. Его лоб — на моём затылке. Его дыхание — на моей шее. Его рука — на метке, которая утихает, утихает, утихает.

Мы сидим так.

Втроём. На разорванной простыне, в сером свете раннего утра. Три тела, сцепленных вместе, как пазл, который наконец совпал.

— Началось, — говорит Матвей. Тихо. Мне в затылок. — Зверь ищет выход.

— Больно, — шепчу я.

— Знаю. — Его губы — на моей коже? Нет. Показалось. — Будет хуже. С каждым днём — ближе к луне — хуже.

— Значит, ритуал — не выбор, — говорю я. — Это необходимость.

Демьян отстраняется. Чуть-чуть. Смотрит мне в лицо — и я вижу: он плакал. Нет. Не плакал. Глаза мокрые, красные, но он не плакал. Это... что-то другое. Что-то звериное. Его волк рвался наружу вместе с моим.

— Необходимость, — повторяет он. — Но выбор — тоже. Ты можешь пройти ритуал и жить. Или отказаться — и мы найдём другой способ.

— Какой?

— Не знаю. Но найдём.

Матвей за моей спиной молчит. Он знает, что другого способа нет. Но не спорит. Не сейчас.

— Мне нужен час, — говорю я. — Одной. Просто... час.

Они уходят. Оба. Я слышу их шаги в коридоре — тяжёлые, разные. Демьян — резкий, быстрый. Матвей — ровный, размеренный.

Два ритма.

Сажусь на кровати. Поднимаю футболку. Смотрю.

Линии от метки — те, что были тонкими, едва заметными — стали шире. Темнее. Они тянутся от двух полумесяцев вверх, к рёбрам, вниз, к бедру, и одна — новая — идёт к сердцу. Прямая, чёткая, как стрела.

Трогаю её. И чувствую — под пальцами — пульс. Не свой. Не Матвея. Не Демьяна.

Зверя.

Час я трачу на то, чтобы прочитать последний фрагмент из дневника Анастасии. Тот, который Матвей перевёл, но положил отдельно — в конце стопки, под другими листами. Как будто не хотел, чтобы я нашла.

«Ритуал — не то, что я ожидала. Не кровь, не боль, не жертва. Вернее — и кровь, и боль, и жертва, но не так, как рассказывают сказки. Это — обнажение. Полное. Абсолютное. Ты стоишь перед ними — перед своими — и отдаёшь всё. Каждый страх, каждый стыд, каждую тайну. Они видят тебя. Насквозь. До самого дна.

И ты видишь их.

Я увидела Алексея — мальчика, который в пять лет видел, как убили его мать, и с тех пор боялся любить, потому что любить — значит потерять. Увидела Петра — который всю жизнь считал себя тенью брата, недостаточно сильным, недостаточно храбрым, и компенсировал это умом, книгами, контролем.

Я увидела их — настоящих. И они увидели меня. Девочку из деревни, которая не знала, кто её отец, которую мать продала за мешок зерна, которая всю жизнь бежала и не могла остановиться, потому что остановиться — значит почувствовать.

А потом — волк.

Он пришёл. Изнутри. Как рассвет — медленно, неотвратимо. Больно ли? Да. Но это была боль рождения. Не разрушения — созидания. Я стала другой. Не лучше, не хуже.

Целой.

Впервые в жизни — целой.»

Откладываю листы. Руки не дрожат.

Девочка, которую мать продала за мешок зерна.

Девочка, которую мать бросила на пороге больницы.

Триста лет. Ничего не изменилось.

День второй.

Второй приступ приходит днём.

Я на поляне — Кира уговорила выйти на воздух, и мы сидим на траве, и она рассказывает мне про обращение: как контролировать зверя, как дышать, как отпустить тело и позволить ему измениться.

— Главное — не бороться, — говорит она. — Не сопротивляться. Зверь — не враг. Он — ты. Другая ты, но ты. Если будешь драться с ним — разорвёт. Если отпустишь — подхватит.

Я слушаю. Киваю. И вдруг — как удар под дых — зверь бросается.

Нет предупреждения. Нет нарастания. Просто — взрыв. Тело складывается пополам, я падаю на траву, и кости — мои кости — начинают двигаться. Я чувствую это: как лопатки расходятся, как позвонки смещаются, как что-то перестраивается внутри, пытается принять другую форму —

Кричу. Зверь рвётся. Тело трещит. Кира хватает меня за плечи, кричит что-то — не слышу, кровь реёт в ушах —

И снова — они.

Демьян — из ниоткуда, из леса, из воздуха — падает рядом. Его руки обхватывают меня, и я чувствую, как его волк — через метку, через кожу — рычит на моего зверя. Не угрожающе. Успокаивающе. Как старший — младшему: тихо. Не сейчас. Рано.

Матвей — рядом. Его ладони — на моих висках. Холод — резкий, отрезвляющий. Как ведро ледяной воды.

— Смотри на меня, — говорит он. — Мира. Глаза на меня. Держись.

Держусь. За его голос. За руки Демьяна. За два якоря, которые не дают мне утонуть.

Зверь скулит. Отступает. Медленнее, чем вчера. Неохотнее.

Я лежу на траве, мокрая от пота, трясущаяся. Демьян — надо мной. Матвей — рядом. Кира стоит в стороне, бледная.

— Завтра будет ещё хуже, — говорит Кира. Тихо. Не мне — им.

Знаю.

Все знают.

Вечер второго дня. Я стою перед дверью Матвея.

Нет — перед их дверью. Потому что — как я узнаю, прислушавшись к метке — они оба внутри. В одной комнате. Разговаривают. Тихо, но я слышу. Зверь обострил мне слух, и теперь я слышу вещи, которые не должна слышать.

— ...нельзя ждать три дня, — голос Демьяна. Низкий. Напряжённый. — Ты видел, что было сегодня. Ещё один такой

приступ — и её тело не выдержит. Кости уже начали смещаться, Матвей. Смещаться. Без ритуала. Без луны.

— Я знаю.

— Тогда какого чёрта мы ждём?!

— Потому что она не готова. — Матвей. Устало. — Потому что если мы проведём ритуал, а она не примет его полностью — всем сердцем, осознанно, добровольно — связь не сработает. Ты читал хроники. Неполная связь хуже, чем никакой.

— Она примет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она — наша. — Демьян. Голос — странный. Не злой. Не хриплый. Ломкий. — Я чувствую это, Матвей. Каждой клеткой. Она — наша. И она знает. Просто боится.

— Она имеет право бояться.

— Конечно, имеет! Но время — нет. Времени нет, понимаешь? Велес сказал — луна через два дня. Два дня, Матвей. А она лежит на траве с трещащими костями и отказывается от помощи, потому что мы — мы, два идиота — не можем...

Пауза.

— Не можем что? — спрашивает Матвей.

— Не можем показать ей, что это не клетка. Что мы — не клетка. Что она может быть нашей и остаться собой.

Тишина. Долгая, тяжёлая.

— С каких пор ты стал таким мудрым? — спрашивает

Матвей. И в его голосе — удивление. Настоящее.

— С тех пор, как она взяла меня за руку и сказала, что я — не только зверь. — Пауза. — Это ты должен был сказать, братишка. Ты — умный. Ты — с книгами. А сказала она.

— Да, — соглашается Матвей. — Сказала она.

Он стоит в одном месте, Демьян — в другом. Между ними — пространство, которое всегда было полем битвы. Сейчас — просто пространство.

Для меня.

Я вхожу. Закрываю дверь. Стою перед ними — босая, в чужой одежде, с мокрым лицом и зверем, который тихо скулит под рёбрами.

— Я слышала, — говорю я. — Всё. Простите. Зверь... слух...

— Мы знаем, — говорит Демьян. Без злости. — Мы чувствовали тебя за дверью.

— И не остановились?

— Нет, — говорит Матвей. — Потому что ты должна была это услышать.

Смотрю на него. Потом — на Демьяна. На двух мужчин, которые сидят в креслах и ждут. Мою волю. Моё решение. Мою жизнь.

— Расскажите мне про ритуал, — говорю я. — Всё. Каждый шаг. Каждую деталь. И я решу.

Матвей кивает. Показывает на диван между креслами. Сажусь.

И он рассказывает.

Ритуал — древний. Древнее клана, древнее хроник. Он идёт от первых волков, от тех, кто ходил между мирами — звериным и человеческим — и научился жить в обоих.

Три части. Три этапа. Три жертвы.

Первая — кровь. Обмен кровью между парой. Не много — несколько капель. Метка принимает кровь пары и закрепляет связь на уровне тела. После этого — физическая связь. Невозможность расстояния. Общие ощущения: боль, удовольствие, страх.

— Это у нас уже есть, — говорю я.

— Частично, — отвечает Матвей. — После ритуала — полностью.

Вторая — обнажение. То, о чём писала Анастасия. Полное раскрытие. Через метку — без слов, без объяснений — каждый видит другого. Целиком. Каждый страх, каждый стыд, каждую тайну. Скрыть ничего невозможно.

— Это... — Я сглатываю. — Всё?

— Всё, — подтверждает Демьян. Его голос — ровный, но я чувствую через метку: ему тоже страшно. Он тоже не хочет, чтобы его видели насквозь. У него тоже есть то, что он прячет.

— Мы будем равны, — говорит Матвей. — Все трое. Ты увидишь нас. Мы — тебя. Никто не сможет соврать.

Третья — пробуждение. Зверь. Если он есть — выходит. Если нет — связь работает и без него, просто... иначе. Но у

меня — есть. И мой зверь выйдет.

— Обращение, — шепчу я.

— Да. Первое обращение. Под луной, в присутствии пары. Мы будем рядом. В волчьей форме. Наши звери поддержат твоего.

— А если мой зверь... — Замолкаю. — Если я не смогу?

— Сможешь, — говорит Демьян.

— Откуда ты...

— Потому что ты прошла два километра с горящей меткой и не сдохла. Потому что ты остановила двух дерущихся альф одним словом. Потому что твой зверь ломает тебе кости, а ты встаёшь и идёшь дальше. — Он наклоняется вперёд. — Ты — сильнее, чем думаешь. Сильнее, чем мы оба. И если ты решишь пройти ритуал — ты пройдёшь.

Я смотрю на него. На Матвея. На огонь в камине, который догорает, оставляя угли — красные, пульсирующие, живые.

— А четвёртая? — спрашиваю.

— Четвёртая?

— Кира говорила — три части. Но Велес говорил о трёх жертвах. Кровь — первая. Обнажение — вторая. Пробуждение — третья. Но жертва — это что-то, что ты отдаёшь. Кровь — понятно. Обнажение — тоже, ты отдаёшь тайны. А пробуждение? Что я отдаю?

Они переглядываются. Тот молчаливый разговор — через метку, через кровь, через тридцать лет совместной жизни. Я чувствую его: колебание. Решение. Согласие.

— Человечность, — говорит Матвей. — Не всю. Но часть. После пробуждения ты перестанешь быть полностью человеком. Волк станет частью тебя — навсегда. Обратно — нельзя.

Человечность. Часть человечности.

— Что это значит — практически?

— Острые чувства. Слух, зрение, обоняние — всегда, не только в волчьей форме. Инстинкты. Территориальность. Агрессия в определённые периоды. И... — Он замолкает.

— И?

— Привязанность, — заканчивает Демьян. — Волки любят один раз. На всю жизнь. Если ты пройдёшь ритуал — мы станем твоими. Навсегда. И ты — нашей.

— Навсегда.

— Навсегда.

Слово падает в тишину комнаты и лежит — тяжёлое, горячее, необратимое.

Навсегда.

Я никогда не говорила этого слова. Ни о ком. Ни о чём. Моя жизнь была — выживание. День за днём, час за часом. Не загадывай, не привязывайся, не верь, что что-то останется. Всё уходит. Все уходят. Мать ушла первой. Потом — приёмные семьи, одна за другой. Потом — люди, которых я подпускала слишком близко, и они тоже уходили, потому что я — слишком сложная, слишком закрытая, слишком...

Слишком.

А теперь двое мужчин сидят передо мной и говорят: навсегда. И метка подтверждает: навсегда. И зверь внутри — впервые — не скулит, не рвётся. Просто лежит. Спокойно. Уверенно.

Потому что для него это не выбор. Для него это — данность. Единственная правда, которая не требует доказательств.

— Мне нужно до утра, — говорю я. — До завтра. Один день.

— Один день, — кивает Матвей.

Встаю. Иду к двери. Останавливаюсь.

— Сегодня ночью, — говорю, не оборачиваясь. — Оба. Оставайтесь оба.

Тишина.

— Стулья? — спрашивает Матвей.

— Нет, — говорю я. — Не стулья.

И выхожу.

За моей спиной — тишина. Потом — выдох. Один. Два. Одновременно.

Метка поёт.

Той ночью я лежу на кровати — широкой, как будто дом знал, что так будет, — и жду.

Стук в дверь. Один — короткий, решительный. Демьян.

— Войди.

Он входит. Тихо. Непривычно тихо для человека его размера. Останавливается у порога. Смотрит на меня — и в его

глазах столько всего, что я отворачиваюсь. Не из страха. Из-за того, что если буду смотреть — расплавлюсь.

Второй стук. Мягче. Матвей.

— Войди.

Входит. Закрывает дверь. Стоят оба — у порога. Два силуэта в лунном свете. Один — тёмный, массивный, как скала. Другой — чуть светлее, стройнее, но не менее сильный.

— Ложитесь, — говорю я. — Просто... ложитесь.

Демьян — первый. Справа. Ложится поверх одеяла, на спину. Руки вдоль тела. Я чувствую жар его тела через ткань — как от печи.

Матвей — слева. Тоже поверх одеяла. Тоже на спине. Тоже — руки вдоль тела.

Лежим втроём. В темноте. В тишине. Три тела на одной кровати.

Метка не горит. Не пульсирует. Не жжёт. Она — молчит. Впервые с того дня, когда они нашли меня в переулке, — молчит. Полная. Довольная.

И зверь — мой зверь — свернулся под рёбрами и мурлычет. Тихо, низко, уробно. Как кошка. Нет — как волчица, которая наконец нашла свою стаю.

Я поворачиваюсь на бок. Лицом к Демьяну. Кладу руку ему на грудь. Чувствую — через ткань его футболки — как его сердце бьётся. Быстро. Быстро. Потом — медленнее. Медленнее. Успокаивается.

Его рука поднимается. Ложится поверх моей. Накрывает.

Большая. Тёплая. Надёжная.

Матвей позади — двигается. Ближе. Его тело — вдоль моего. Не прижимается — просто рядом. Его дыхание — на моём затылке. Его рука — на моей талии. Бережно. Легко. Как будто я — сон, который боится развеять.

Лежим. Дышим.

Три ритма. Три сердца. Три дыхания, которые постепенно — медленно, незаметно — синхронизируются.

Вдох — вместе.

Выдох — вместе.

Вдох.

Выдох.

Засыпаю.

И впервые за двадцать три года мне снится хороший сон. Лес. Ночь. Луна — огромная, белая, как молоко. Я бегу. На четырёх лапах. Мех — серебристо-чёрный, густой, и ветер проходит сквозь него, и земля под лапами — мокрая, живая, настоящая.

Рядом — два волка. Чёрный и серебристый. Плечом к плечу. Со мной. Впереди? Нет — рядом. Не ведут, не гонят. Бегут — вместе.

И я — счастлива.

Просыпаюсь на рассвете. Оба спят. Демьян — на боку, лицом ко мне, его рука — всё ещё на моей. Матвей — за спиной, его рука — на моей талии, его лоб — между моих лопаток.

Лежу. Не двигаюсь.

Решение уже принято.

Я знаю. Зверь знает. Тело знает.

Осталось сказать.

День третий.

Полдень. Кухня. Все — здесь. Ольга Дмитриевна, Кира, пожилой мужчина с сетью — Егор, как я узнала. Молодой парень — Никита, дальний родственник. Женщины, мужчины, дети. Клан. Стая.

И Велес — у камина. Неподвижный, как статуя. Жёлтые глаза — полуприкрыты.

Я вхожу. Демьян — справа. Матвей — слева. Мы не договаривались. Просто встали так. Потому что так — правильно.

Тишина. Все смотрят.

— Сегодня ночью, — говорю я. — Я готова.

Велес открывает глаза. Смотрит на меня. На Демьяна. На Матвея. На нас — троих.

И кивает.

— Луна встаёт в полночь, — говорит он. — Будь на поляне.

Поворачивается и уходит.

Тишина — ещё секунду. Потом — выдох. Общий. Как будто весь клан задерживал дыхание и наконец отпустил.

Ольга Дмитриевна — первая. Подходит ко мне, берёт за плечи, смотрит в глаза. И обнимает. Крепко. Молча. Пахнет

тестом и травами.

— Молодец, — шепчет она. И отходит. И вытирает глаза фартуком.

Кира — вторая. Не обнимает — не тот характер. Просто подходит, смотрит. Кивает.

— Я буду рядом, — говорит она. — На всякий случай.

— Спасибо.

— Не благодари. Ещё ничего не произошло.

Но улыбается. Впервые.

Люди расходятся. Остаёмся мы трое. Стоим посреди кухни — в запахе хлеба и трав — и смотрим друг на друга.

— Ты уверена? — спрашивает Матвей.

— Нет, — честно отвечаю я. — Но зверь — уверен. И метка — уверена. И... — Смотрю на Демьяна. На его тёмные глаза, в которых — огонь. На Матвея. На его серые глаза, в которых — небо. — И я — уверена. Настолько, насколько могу быть.

Демьян делает шаг вперёд. Берёт мою правую руку. Подносит к губам. Целует костяшки — одну за другой. Медленно. Его губы — тёплые, сухие, чуть шершавые. И в этом жесте — не страсть. Клятва.

Матвей берёт мою левую руку. Не целует — прижимает к своей груди. К сердцу. Я чувствую его пульс — ровный, глубокий, как река. И в этом жесте — не нежность. Обещание.

Стоим так. Три человека, связанных чем-то большим, чем кровь, чем слова, чем выбор. Связанных — судьбой. Или

тем, что волки называют судьбой, а люди — безумием.

— До полуночи, — говорит Демьян.

— До полуночи, — говорит Матвей.

— До полуночи, — говорю я.

Оставшиеся часы я провожу с Кирой.

Она приводит меня на берег озера — того самого, маленького, спрятанного за соснами. Вода — чёрная, неподвижная, как зеркало. Небо над ней — серое, низкое, и в воздухе пахнет дождём, которого не будет.

— Сядь, — говорит Кира. — Слушай.

Сажусь. Слушаю.

— Когда начнётся обращение — будет момент, когда ты захочешь умереть, — говорит она. Без предисловий. Без смягчения. — Не фигурально. Буквально. Боль будет такой, что мозг решит: проще сдохнуть. Это нормально. Это у всех. Важно — не послушать его.

— Как?

— Найти якорь. Что-то, за что держаться. Запах. Звук. Лицо. Любовь. — Она смотрит на озеро. — Когда я обращалась впервые, мне было четырнадцать. Мой якорь — бабушка. Она стояла на поляне, пела какую-то дурацкую колыбельную, и я — волчонок с ломающимися костями — слушала её голос и думала: ещё секунду. Ещё одну. Ещё.

— Ты обратилась в четырнадцать?

— Рано. Обычно — в шестнадцать-восемнадцать. Но я...

— Она пожимает плечами. — Тоже полукровка. Отец — че-

ловек. Мать — волчица. Половина стаи считала, что я не обращаюсь вообще. Вторая половина — что умру при попытке.

Смотрю на неё.

— Ты — полукровка?

— Удивлена?

— Ты... не говорила.

— Не спрашивала. — Усмешка. — Да. Полукровка. Как ты. Поэтому я знаю, каково это — быть между. Не волк и не человек. Слишком звериная для людей, слишком человеческая для волков.

— Но ты обратилась.

— Обратилась. И перестала быть между. Стала — целой. Как Анастасия написала. — Пауза. — Я читала дневник. Давно. Тайком. Матвей не знает.

Молчим. Смотрим на воду.

— Кира, — говорю я. — Почему ты помогаешь мне? В первый день ты смотрела на меня так, будто хочешь прибить.

Она молчит. Долго. Потом:

— Потому что я была влюблена в Демьяна. Три года. С тех пор, как мне исполнилось двадцать.

Тишина. Даже озеро, кажется, затихло.

— Он знал?

— Конечно, знал. Волки чувствуют. Но для него я была — Кира. Сестра стаи. Боевой товарищ. Своя. Не... — Она сглатывает. — Не та.

— Мне жаль.

— Не жалеи. — Резко. Почти грубо. Потом — мягче: — Когда ты появилась, и я увидела, как он на тебя смотрит... как они оба на тебя смотрят... — Она закрывает глаза. — Сначала — ненавидела. Тебя. Потом — себя. Потом поняла: нельзя ненавидеть дождь за то, что он мокрый. Ты — не виновата. Метка — не виновата. Никто — не виноват.

— Кира...

— И когда я увидела тебя — на поляне, в первый день, после побега — полумёртвую, упрямую, злую... — Она открывает глаза. Зелёные. Мокрые. — Я подумала: вот дура. А потом подумала: вот сильная дура. И тогда поняла — может, так и должно быть. Может, ему нужна не я — рядом. Может, ему нужна та, которая не сломается.

— Я могу сломаться.

— Можешь. Но не сломаетесь. — Она встаёт. Протягивает мне руку. — Пойдём. Тебе нужно поесть. Ольга Дмитриевна наготовила столько, будто ты армию кормить собираешься.

Беру её руку. Встаю.

— Кира.

— Что?

— Спасибо.

Она смотрит на меня. Долго. Потом — коротко, быстро — обнимает. Жёстко, по-мужски, одной рукой. Отпускает.

— Не за что, — говорит. — Мы — стая. Стая держится вместе.

И идёт к дому. Я — за ней.

Зверь внутри — тихий. Спокойный. Готовый.

Последние часы — самые длинные в моей жизни.

Я сижу в своей комнате. На стене — рисунок Тани: три фигуры. На столе — книги Матвея. На кровати — простыня, которую я порвала утром, когда зверь рвался наружу. Её не убрали. Не заменили. Я попросила оставить.

Как напоминание. О том, что внутри меня — сила, которую я ещё не понимаю.

В девять вечера — стук.

— Войди.

Ольга Дмитриевна. С подносом. Мясо — много, почти сырое, с кровью. Хлеб. Горячий чай с травами.

— Ешь, — говорит она. — Всё.

— Я не...

— Ешь. Обращение забирает много сил. Тебе нужна энергия. И мясо — да, я знаю, оно почти сырое, но твой зверь сейчас лучше знает, что нужно телу.

Она права. Зверь — чувствует мясо, и во рту — слюна, и желудок сжимается от голода, который не мой. Его. Звериного.

Ем. Мясо — восхитительно. Солёное, тёплое, с привкусом крови. Неделью назад меня бы стошнило. Сейчас — ем и хочу ещё.

Ольга Дмитриевна смотрит, как я ем. И впервые — не ворчит. Просто смотрит. С чем-то, что я не сразу узнаю.

Материнская нежность.

— Я знала твою мать, — говорит она. Тихо. Как будто между прочим.

Роняю вилку.

— Что?

— Мирослава. Она жила здесь. В этом доме. В этой комнате.

Смотрю на неё. На стены. На окно. На кровать, на которой сплю пятый день.

— Эта... комната...

— Её. Да. Матвей не хотел говорить. Боялся, что ты... — Жест рукой. — Но ты имеешь право знать.

— Расскажи. — Голос — чужой. Хриплый. — Расскажи мне о ней.

Ольга Дмитриевна садится на стул. Тот самый, на котором сидел Матвей, когда рассказывал мне историю клана.

— Мирослава была... светлая. Яркая. Смеялась так, что весь дом просыпался. Волчица — сильная, быстрая. Одна из лучших в клане. И красивая — боже, какая красивая. Глаза — как у тебя. Серо-зелёные. И характер — тоже как у тебя. Упрямая, как сто чертей.

— Почему она ушла?

Ольга Дмитриевна замолкает. Надолго. Её руки — на коленях — сжимаются.

— Из-за Григория. Отца Демьяна и Матвея. Они были... — Она подбирает слово. — Близки. Очень. Но Мирослава — не его пара. Его пара — мать мальчиков, Наталья. Когда

Наталья умерла при родах, Григорий... сломался. А Мирослава была рядом. Утешала. Помогала с детьми. И они стали... близки.

— Они были вместе?

— Недолго. Год, может два. А потом Мирослава забеременела. И Григорий... — Ольга Дмитриевна закрывает глаза. — Он испугался. Он уже потерял одну женщину при родах. И он сказал Мирославе: уходи. Рожай среди людей. Там — безопаснее.

— Он её прогнал?

— Он думал, что спасает.

— Он её прогнал.

— Да. — Тихо. — Прогнал. И она ушла. Родила тебя в человеческой больнице. И... — Пауза. — Мы не знаем, что случилось потом. Она не вернулась. Мы искали. Годами. Григорий — до самой смерти. Так и не нашёл.

Сiju. Тарелка — пустая. Чай — остывший. Мир — перевёрнутый.

— Она оставила меня в больнице, — говорю я. — Новорождённую. Без имени. Без записки. Просто — оставила.

— Мирослава бы так не сделала. — Ольга Дмитриевна качает головой. — Никогда. Она ждала тебя. Хотела тебя. Если она оставила — значит, не могла иначе. Значит, что-то случилось.

— Что?

— Не знаю, девочка. Не знаю.

Тишина.

— Матвей знает? — спрашиваю. — Эту историю?

— Знает. Демьян — тоже. Они выросли на рассказах о Мирославе. Григорий говорил о ней... всегда. До последнего дня.

— Он любил её.

— Любил. Слишком сильно, чтобы удержать.

Она встаёт. Забирает поднос. Идёт к двери.

— Ольга Дмитриевна.

— Да?

— Я — дочь Мирославы. И я иду на ритуал. И я — не уйду. Не убегу. Не исчезну. Как бы ни было страшно.

Она оборачивается. Смотрит на меня. Глаза — мокрые. Губы — сжатые. Потом кивает.

— Знаю, — говорит она. — Ты — её дочь. Ты — не убежишь.

И уходит.

Одиннадцать часов вечера.

Стук в дверь. Два стука — одновременно. Синхронно. Как одно сердце.

— Войдите.

Оба. Демьян — в чёрном. Матвей — в сером. Босые. Без лишнего. Волосы — мокрые, как будто только из озера.

— Пора, — говорит Демьян.

Встаю. Подхожу к ним. Стою — между. Где моё место. Где мне — быть.

— Я знаю про Мирославу, — говорю я. — Про отца. Про всё.

Демьян сжимает челюсть. Матвей опускает глаза.

— Ольга Дмитриевна? — спрашивает Матвей.

— Да. И я не злюсь. Не на вас. Ваш отец сделал то, что мог. Моя мать — тоже. Они оба были неправы, и оба — любили. И я не хочу повторять их ошибку.

— Какую? — спрашивает Демьян.

— Уходить от тех, кого любишь, — говорю я. — Из страха.

Слово «любишь» повисает в воздухе. Первый раз. Впервые — вслух. Между нами тремя.

Демьян — каменеет. Его глаза — тёмные, бездонные — расширяются. Кадык дёргается. Руки — вдоль тела — сжимаются в кулаки. Он не двигается. Не дышит.

Матвей — наоборот. Выдыхает. Медленно. Как будто ждал этого слова всю жизнь и наконец — услышал.

— Мира... — начинает он.

— Потом, — говорю я. — Всё — потом. Сейчас — ритуал. Протягиваю обе руки. Правую — Демьяну. Левую — Матвею.

Они берут. Одновременно. И мы выходим из комнаты — втроём — в коридор, по лестнице, на крыльцо, в ночь.

Поляна — залита лунным светом.

Луна — огромная. Белая. Низкая, как будто опустилась ближе, чтобы увидеть. Трава — серебристая, мокрая от ро-

сы. Лес вокруг — стена, тёмная, неподвижная.

Клан — здесь. Все. Стоят кругом по краю поляны. Молчат. Лица — бледные в лунном свете. Глаза — некоторые жёлтые, некоторые карие, некоторые зелёные. Все — на нас.

Велес — в центре. Стоит. Ждёт. Жёлтые глаза — яркие, как два маленьких солнца в темноте.

Мы подходим. Встаём перед ним. Руки — сцеплены. Три тела. Три сердца.

— Имя, — говорит Велес.

— Волчица.

— Мирослава, — шепчу я.

И понимаю — это не имя матери. Это моё имя. Имя, которое она мне дала. Которое я носила все двадцать три года, не зная. Которое зверь хранил — там, внутри, под рёбрами, в темноте.

Моё имя. Моё настоящее имя.

Велес кивает.

— Мирослава, дочь Мирославы. — Его голос — низкий, глубокий, как гром под землёй. — Ты пришла по своей воле?

— По своей воле.

— Ты знаешь, что отдаёшь?

— Кровь. Тайны. Часть человечности.

— Ты знаешь, что получаешь?

— Стаю. Пару. Себя.

Велес смотрит на Демьяна.

— Демьян, сын Григория. Ты пришёл по своей воле?

— По своей воле, — говорит Демьян. И голос его — не хриплый, не резкий. Чистый.

— Матвей, сын Григория. Ты пришёл по своей воле?

— По своей воле, — говорит Матвей.

— Тогда — начнём.

Луна поднимается выше. Ветер стихает. Мир замирает — как будто вся земля задержала дыхание.

И ритуал — начинается.

Глава 9. «Кровь, обнажение, пробуждение»

Часть первая. Кровь.

Велес достаёт нож.

Не обычный — я вижу это даже в лунном свете. Лезвие — тёмное, матовое, с узором, который двигается. Не гравировка — что-то живое. Как будто в металле запечатали змею, и она извивается, пытаясь выбраться.

— Руку, — говорит Велес.

Протягиваю правую. Он берёт мою ладонь — его пальцы сухие, горячие, как раскалённый камень — и переворачивает. Запястье — вверх. Бледная кожа, голубые вены. Пульс, который я вижу, а не только чувствую.

Лезвие касается кожи.

Не больно. Совсем. Как будто провели пером. Но кровь — идёт. Тёмная в лунном свете, почти чёрная. Тонкая линия — от запястья к середине ладони.

— Демьян.

Демьян протягивает левую руку. Велес режет — тот же жест, та же линия. Кровь Демьяна — густая, тяжёлая. Я чувствую её запах раньше, чем вижу. Дым. Хвоя. Что-то дикое, горячее, звериное.

— Матвей.

Левая рука. Линия. Кровь. Его запах — мягче. Тёплое дерево. Мёд. Земля после дождя.

— Соедините, — говорит Велес.

Демьян берёт мою правую руку. Прижимает свою порезанную ладонь к моей. Кровь — его и моя — смешивается. И я чувствую —

Удар.

Не физический. Глубже. Как будто кто-то вскрыл мне грудную клетку и вставил внутрь ещё одно сердце. Его сердце. Оно бьётся — быстро, яростно, отчаянно — и мой пульс подстраивается, пытается совпасть, и метка вспыхивает тёмным огнём, и зверь внутри вскакивает, рычит — не от боли, от узнавания.

Я чувствую его. Демьяна. Целиком.

Его страх — острый, ледяной, спрятанный так глубоко, что он сам о нём забыл. Страх, что он — недостаточно. Недостаточно умный, недостаточно мягкий, недостаточно человеческий. Что он — зверь, только зверь, и никто никогда не полюбит зверя.

Его ярость — постоянная, ровная, как угли. Не на мир. На себя. За то, что не может быть другим. За то, что каждый раз, когда хочет быть нежным — получается грубо. Каждый раз, когда хочет сказать «люблю» — получается «моя».

И под всем этим — под страхом, под яростью, под бронёй из хрипа и дерзости — мальчик. Пятилетний. Стоит у окна и ждёт мать, которая никогда не придёт. И рядом — брат-

близнец, который уже понял, что ждать бесполезно, а он — не понял. И ждёт. И ждёт. Двадцать пять лет — ждёт.

Слёзы текут по моим щекам. Не мои. Его. Те, которые он никогда не пролил.

Сжимаю его руку крепче. Кровь — горячая, липкая — течёт между нашими пальцами. И я посылаю ему — через метку, через кровь, через всё, что нас связывает — одно чувство.

Ты — достаточно. Ты — больше, чем достаточно.

Его пальцы — дрожат. Демьян, который не боится ничего на свете, — дрожит. И сжимает мою руку так, как будто я — единственное, что держит его на земле.

— Матвей, — говорит Велес.

Левая рука. Его ладонь — на моей. Кровь — к крови.

Второй удар. Другой. Не огонь — вода. Глубокая, спокойная, бездонная. Матвей — океан. Тихий на поверхности, чудовищно мощный в глубине.

Его страх — другой. Не «недостаточно». А «слишком». Слишком много думает. Слишком много видит. Слишком хорошо понимает — людей, мотивы, последствия. И это понимание — парализует. Потому что когда ты видишь все варианты — выбрать один невозможно. Потому что каждый выбор — потеря. И он — тот, кто видит потери раньше, чем они случаются, — застывает. Не от трусости. От ясности.

Его боль — тихая, хроническая, как застарелая рана. Он был рядом, когда умер отец. Держал его руку. Слушал последний вдох. И после — взял на себя всё. Клан, стаю, брата,

ответственность за сотню людей, которые смотрели на него и ждали: что делать? куда идти? как жить? И он — двадцатипятилетний, осиротевший, раздавленный — встал и повёл. Потому что кто-то должен был.

И под этим — под ответственностью, под контролем, под бесконечным «я должен» — мальчик. Тот же возраст, то же окно. Но он — не ждёт. Он стоит рядом с братом и думает: я должен сделать так, чтобы ему не было больно. Пять лет. Пять. И уже — «я должен».

Плачу. По-настоящему. Слезы — на обе руки, на кровь, на землю.

Посылаю ему: *Ты можешь отпустить. Я здесь. Мы здесь. Ты можешь отпустить.*

Его пальцы на моей руке — крепче. И я чувствую через метку — впервые за его жизнь — как что-то внутри него ослабевает. Не ломается — отпускает. Узел, который он затянул в пять лет и тянул двадцать пять лет, — чуть-чуть, на миллиметр — ослабевает.

— Кровь принята, — говорит Велес.

Стою. Две руки — в моих. Кровь — общая. Три сердца — бьются. Не синхронно, нет. Каждое — по-своему. Но вместе. Как оркестр, где у каждого инструмента своя партия, но музыка — одна.

Метка горит. Не больно. Ярко. Как маяк.

Часть вторая. Обнажение.

— Теперь, — говорит Велес, — вы увидите друг друга.

Он поднимает руки — обе — и кладёт мне на виски. Пальцы — раскалённые. Жар проходит через кости черепа, через мозг, через всё — и мир меркнет.

Нет. Не меркнет. Меняется.

Поляна — исчезает. Луна — исчезает. Люди — исчезают. Остаётся — пустота. Белая, бесконечная, звенящая. И в этой пустоте — мы трое.

Нет — не мы.

То, что внутри нас.

Я вижу Демьяна — не мужчину, не тело. Вижу его — целиком. Каждое воспоминание, каждый шрам, каждый выбор. Вижу:

Пять лет. Отец бьёт кулаком по стене — не от злости, от горя. Демьян стоит в дверях и думает: если я буду сильным, папа не будет плакать. Если я буду сильнее всех — никто не будет плакать.

Двенадцать. Первое обращение. Боль — чудовищная. Он кричит, кусает землю, ломает пальцы о камни. Отец рядом — в волчьей форме, огромный серый волк — прижимает его к земле, держит. И Демьян — мальчик, ребёнок — превращается. Чёрный волк. Маленький, худой, злой. Скалится на весь мир. На отца. На брата. На луну.

Восемнадцать. Девушка. Человеческая. Красивая, рыжая, смеётся. Он влюблён — впервые. Она целует его, и он думает: может, я нормальный. Может, я — как все. Потом она видит его глаза — жёлтые, волчьи — и кричит. Убегает. Не

возвращается. Он стоит один посреди пустой комнаты и думает: зверь. Я — зверь. И никто никогда —

Двадцать два. Отец умирает. Демьян стоит у кровати. Не плачет. Матвей — плачет. Демьян — нет. Потому что если он заплачет — сломается. А сломаться — нельзя. Потому что Матвей плачет, и кто-то должен быть сильным.

Всегда — кто-то должен быть сильным. Всегда — он.

Двадцать пять. Переулок. Запах — её, мой — как удар молнии. Он бежит. Волк рвётся наружу. Находит — и видит: девушка. Маленькая. Худая. Грязная. Испуганная. С глазами, в которых — то же, что у него. Одиночество. Звериное, абсолютное, безнадёжное.

И думает: *моя*.

Не «хочу». Не «возьму». *Моя* — как воздух, как сердцебиение, как гравитация. Факт, не желание.

Я вижу его. Всего. До дна.

И он видит меня.

Знаю это, потому что чувствую — как его взгляд проходит через мои стены, через броню, через двадцать три года одиночества — и находит.

Девочку. Маленькую. В коридоре детского дома. Ночь. Темно. Она стоит у окна и смотрит на луну, и внутри — зверь, которого она ещё не знает, — скулит. Тихо. Жалобно. Потому что он один, и она одна, и никого нет, и луна — холодная, далёкая, равнодушная.

Шесть лет. Приёмная семья. Женщина — добрая, тёплая.

Девочка думает: мама? Не говорит вслух. Боится. Через три месяца женщина возвращает её. «Слишком сложная», говорит она социальному работнику. «Странная. Рычит во сне».

Рычит во сне. Зверь.

Десять. Другая семья. Мужчина. Не добрый. Его руки — тяжёлые, грубые. Она учится не плакать. Учится не чувствовать. Строит стену — первую из многих. Зверь внутри скалится, рвётся, хочет защитить — но не может. Ещё нет. Ещё рано.

Четырнадцать. Убегает из очередного дома. Живёт на улице неделю. Ест из мусорных баков. Находят, возвращают. Она сидит в кабинете директора интерната и молчит. Внутри — пусто. Зверь — устал. Свернулся. Заснул.

Проще не чувствовать. Проще не хотеть. Проще быть никем.

Восемнадцать. Выпуск. Мир — огромный, холодный, равнодушный. Она работает — где придётся. Живёт — где получится. Не заводит друзей. Не заводит любовников. Никого не подпускает. Потому что каждый, кого она подпускала, — уходил. И зверь внутри — спящий, забытый — одобряет: правильно. Не подпускай. Так — безопаснее.

Двадцать три. Переулок. Запах — дым, хвоя, нагретое дерево — и мир раскалывается, и зверь просыпается, и она думает: нет. Нет. Я не хочу. Не хочу чувствовать. Не хочу хотеть. Не хочу принадлежать.

И одновременно — каждой клеткой, каждым нервом,

каждым атомом — хочет.

Они видят это. Оба. Всё. Каждый приют, каждого мужчину с тяжёлыми руками, каждую ночь у окна. Каждую стену, которую я построила. Каждый шрам, который спрятала.

И я чувствую — через связь, через кровь — что происходит с ними, когда они это видят.

Демьян — ярость. Слепая, звериная, абсолютная. Он хочет найти каждого, кто причинил мне боль, и разорвать. Буквально. Зубами. Его волк рвётся — чёрный, огромный, с горящими глазами — и рычит так, что я чувствую вибрацию в собственных костях.

Матвей — боль. Тихая, глубокая, бездонная. Он видит девочку у окна — и в его сердце что-то рвётся. Не ломается — рвётся. Как ткань. Как старая рана, которую заштопали, но она разошлась. Потому что он — тот, кто видит всё — видит, как она ждала. Как надеялась. Как перестала надеяться. И ему больно так, как если бы это было с ним.

Мы видим друг друга.

Насквозь. До дна. До костей.

И — самое страшное — под всем этим. Под болью, под страхом, под одиночеством. Под бронёй и стенами. Под яростью и контролем.

Любовь.

Она уже здесь. Была здесь — с первого момента, с первого запаха, с первого прикосновения метки. Не выросла — проявилась. Как фотография в растворе. Как рисунок на коже,

который был невидимым, пока его не облили водой.

Мы любим друг друга. Все трое. Уже.

Не потому что метка заставила. Метка — только указала дорогу. Идти — мы пошли сами.

Белая пустота дрожит. Трещит.

— Вижу, — шепчу я. Не знаю, кому. Обоим. Себе. Зверю.

— Вижу, — говорит Демьян. Голос — ломкий. Мокрый.

— Вижу, — говорит Матвей. Голос — тихий. Ровный. Но в нём — трещина. Первая за всю его жизнь трещина в контроле.

— Обнажение принято, — голос Велеса. Издалека. Из другого мира.

Белая пустота — исчезает. Поляна возвращается. Луна — ярче. Ветер — сильнее. Люди вокруг — бледные, молчаливые.

Стою. Держу их руки. И мне — не стыдно. Впервые в жизни кто-то видел всё — каждый тёмный угол, каждую трещину — и не ушёл. Не отвернулся. Не сказал «слишком сложная».

Остался.

Оба — остались.

Часть третья. Пробуждение.

— Последнее, — говорит Велес. — И самое трудное.

Он отходит. На шаг. На два. На пять. Уходит к краю круга — к людям, к стае, к тем, кто смотрит.

Мы — одни. В центре поляны. Под луной.

— Отпусти руки, — говорит Велес. — Дальше — сама.

Отпускаю. Пальцы — мокрые от крови, от пота, от слёз — разжимаются. Демьян и Матвей отступают. На шаг. Только на шаг.

— Мы здесь, — говорит Матвей.

— Рядом, — говорит Демьян.

Киваю. Закрываю глаза.

И зову зверя.

Не словами. Не мыслью. Чувством. Тем, которое жило во мне всегда — с первой ночи у окна, с первого рычания во сне, с первого раза, когда луна казалась ближе, чем солнце.

Приди.

Зверь поднимает голову.

Приди. Я готова.

Зверь встаёт. Потягивается. Я чувствую — как его тело разворачивается внутри моего, как оно расправляет то, что было свёрнуто двадцать три года. Лапы. Хвост. Позвоночник — длинный, гибкий, другой.

И начинается.

Боль.

Кира была права. Это — невозможно. Не-вы-но-си-мо. Каждая кость — ломается. Не метафора — я слышу хруст, чувствую, как бедренная кость трещит и перестраивается, как рёбра расходятся, как позвонки смещаются, как лопатки — расползаются, раздвигаются, меняют форму.

Кричу. Падаю на колени. На четвереньки. Земля — мок-

рая, холодная — под ладонями, которые уже не ладони. Пальцы — укорачиваются, утолщаются. Ногти — темнеют, твердеют, изгибаются. Когти.

Позвоночник — выгибается дугой. Кожа — горит. Чешется. Зудит невыносимо, как будто под ней — тысяча муравьёв. И я чувствую — шерсть. Она прорастает — изнутри наружу, каждый волосок — как игла, как раскалённая спица.

Кричу. Ору. Голос — меняется. Ниже. Хриплее. Не человеческий.

Якорь, — вспоминаю я. Найди якорь.

Запах. Дым и хвоя. Нагретая древесина. Они — рядом. В шаге. Их сердца бьются — я слышу сквозь собственный крик — быстро, испуганно, яростно.

И другие сердца. Два. Волчьих. Потому что они обращаются — вместе со мной. Чёрный волк и серебристый — я чувствую их через метку, чувствую, как их тела меняются, как человеческое уступает звериному — но для них это привычно, легко, как переодеться. А для меня —

Ещё один хруст. Череп. Мой череп — меняет форму. Челюсть — выдвигается. Зубы — растут. Острые. Длинные. Клыки.

Больно. Больно. Хочу умереть.

Мозг — как Кира предупреждала — решает: хватит. Проще сдохнуть. Проще отпустить. Проще — в темноту, в тишину, в ничто.

Нет.

Зверь — мой зверь, моя волчица — рычит. Изнутри. Не мне. Боли. Смерти. Всему, что тянет вниз.

Нет. Мы — живём.

Два волка — рядом. Я чувствую их дыхание. Горячее. На моей шерсти. На моей — шерсти. У меня есть шерсть. Густая, тёплая. Чувствую ветер в ней. Чувствую —

Лапы. Четыре. Земля — под подушечками. Мокрая. Каждый камешек, каждая травинка.

Как будто сняла обувь, — думаю я. И — несмотря на боль, несмотря на ужас — смеюсь. Внутри. Кира. Чёртова Кира.

Последний хруст. Хвост. Позвонки — добавляются, вырастают из ниоткуда, из какого-то генетического архива, который хранил эту информацию двадцать три года.

И — тишина.

Боль — уходит. Вся. Разом. Как будто кто-то повернул выключатель.

Открываю глаза.

Мир.

Мир — другой. Не новый. Настоящий. Тот, который всегда был, но я видела его через мутное стекло, а теперь стекло убрали.

Цвета — другие. Не ярче — точнее. Я вижу каждый оттенок серого в лунном свете, каждую тень, каждый блик. Вижу мышь — мышь! — в траве, в тридцати метрах. Вижу сову на ветке, вижу каждое перо.

Запахи — боже. Тысяча. Миллион. Земля, трава, роса, кровь, мех, люди — каждый человек на поляне пахнет по-своему, и я различаю каждого. Ольга Дмитриевна — тесто, травы, молоко. Кира — металл, хвоя, слёзы. Велес — огонь, старая кожа, время.

Звуки. Сердца. Все. Каждое — как барабан. Стая — хор барабанов. Разных. И среди них — два. Громче. Ближе. Мои.

Поворачиваю голову.

Чёрный волк. Огромный — выше меня, шире, с глазами цвета расплавленного золота. Демьян. Он стоит справа. Смотрит на меня. И в его глазах — в волчьих, звериных глазах — то, что я увидела при обнажении. Мальчик у окна. Который ждал. Который наконец — дождался.

Серебристый волк. Такой же огромный, но иначе — стройнее, изящнее. Глаза — серые, как зимнее озеро. Матвей. Слева. Смотрит на меня. И в его глазах — выдох. Тот самый. Отпускание узла.

Между ними — я.

Опускаю голову. Смотрю на себя.

Лапы — серебристо-чёрные. Мех — густой, тёмный с серебристым подшёрстком. Не такая большая, как они — но не маленькая. Сильная. Поджарая. Быстрая — я знаю это, ещё не сделав ни шага.

Волчица.

Я — волчица.

Зверь внутри — нет. Не внутри. Зверь — это я. Мы —

одно. Наконец-то, впервые, навсегда — одно. Не человек с волком внутри. Не волк в человеческом теле. Целое существо. Одно. Моё.

Поднимаю голову к луне.

И вою.

Не от боли. Не от тоски. От — всего. От двадцати трёх лет одиночества, которое закончилось. От стен, которые рухнули. От имени, которое вернулось. От матери, которую я никогда не знала, но которая дала мне — это. Эту кровь. Этого зверя. Эту жизнь.

Вой — длинный, высокий, звенящий. Он поднимается к луне и несёт с собой всё: боль, радость, страх, надежду, любовь.

Чёрный волк — Демьян — присоединяется. Его вой — низкий, глубокий, как гром. Он вплетается в мой, подхватывает, держит.

Серебристый — Матвей — третий. Его голос — средний, ровный, чистый. Он заполняет пространство между нашими голосами, связывает их.

Три голоса. Одна песня. Одна стая.

И вокруг — люди. Стая. Клан. Они обращаются — один за другим, как свечи, зажигающиеся от одного огня. Волки — серые, рыжие, бурые, белые — встают на поляне и присоединяются. Голос за голосом. Сердце за сердцем.

Вой поднимается над лесом, над горами, над миром. И луна — я клянусь — луна становится ярче.

Не знаю, сколько мы воем. Минуту. Час. Вечность.

Потом — тишина. Мир возвращается. Звуки — обычные. Ветер, деревья, дыхание.

Велес стоит на краю поляны. Человек среди волков. Единственный, кто не обратился. Его жёлтые глаза — на мне.

— Пробуждение принято, — говорит он. — Мирослава, дочь Мирославы. Добро пожаловать домой.

Домой.

Слово — простое, человеческое, обычное — проходит через мой волчий мозг и попадает в то место, которое было пустым всю мою жизнь. И заполняет его. До краёв.

Домой.

Я — дома.

Чёрный волк — Демьян — подходит ко мне. Утыкается мордой в мою шею. Его дыхание — горячее, влажное — на моём мехе. И через метку — через связь, которая теперь полная, завершённая, неразрывная — я чувствую его слова. Не звуки. Чувства.

Моя. Наша. Наконец.

Серебристый волк — Матвей — подходит с другой стороны. Его морда — на моей голове. Сверху. Бережно. Как рука на волосах той ночью, когда он заснул у моей кровати.

Дома. Ты — дома.

Стою между ними. Два волка. Мои волки. Моя стая. Мой дом.

Луна — над нами. Полная. Яркая. Близкая.

Впервые — не холодная.

Тёплая.

Обратное обращение — проще. Или мне так кажется, потому что я ещё в эйфории.

Тело — возвращается. Кости — встают на место. Кожа — смыкается. Волосы — вместо шерсти. Пальцы — вместо когтей. Больно — да. Но терпимо. Как вспоминать то, что знаешь, но забыл.

Стою на поляне. Голая. Босая. Мокрая от пота — или от росы — или от всего сразу. Тело дрожит. Мышцы — как после марафона. Каждая клетка гудит, перестраивается, привыкает быть человеческой заново.

Но я — стою.

Кто-то набрасывает на меня одеяло. Ольга Дмитриевна. Конечно. Она стоит рядом — уже человеческая, уже одетая, как будто обратное обращение для неё занимает три секунды — и кутает меня, и бормочет что-то про простуду и мокрую траву.

— Я в порядке, — говорю я.

Голос — другой. Мой, но — другой. Глубже. С вибрацией, которой не было раньше. Как будто связки перенастроились.

— Конечно, в порядке, — ворчит Ольга Дмитриевна. — Голая, на мокрой поляне, после первого обращения, трясьсь как осиновый лист — в полном порядке.

Демьян и Матвей обращаются одновременно. Я чувствую это через метку раньше, чем вижу: волна жара — справа,

волна тепла — слева. Синхронно. Как вдох и выдох одного существа.

Кто-то кидает им одежду. Они одеваются — быстро, не глядя друг на друга. Привычка. Тридцать лет совместных обращений.

Потом — оба рядом. Демьян — справа. Матвей — слева. Где им быть. Где им — всегда.

Стая расходится. Тихо, без слов. Люди — обращённые, уставшие, счастливые — уходят к дому. Кто-то хлопает Демьяна по плечу. Кто-то кивает мне. Маленькая Таня — почему она не спит? — подбегает, обнимает меня за ногу и убегает обратно к Ольге Дмитриевне.

Велес — последний. Он стоит на краю поляны и смотрит на нас. Долго. Потом кивает — один раз — и уходит в лес. Не к дому. В лес. Растворяется в темноте, как будто его и не было.

Мы — одни. На поляне. Под луной, которая уже сползает к горизонту.

— Ну, — говорю я. — Получилось.

Демьян — смеётся. Впервые при мне — по-настоящему. Не хмыкает, не скалится, не ухмыляется. Смеётся — запрокинув голову, открыто, громко. И его смех — как его вой: низкий, глубокий, заполняющий пространство.

Матвей — улыбается. Тихо. Глазами. И в этих серых глазах — озеро, которое впервые оттаяло.

— Получилось, — говорит он.

Стоим. Втроём. Под гаснущей луной. И молчим. Потому что слова — наконец — не нужны.

Глава 10. «После»

Первое утро новой жизни начинается с запахов.

Раньше я просыпалась от звука будильника, или от холода, или от кошмара. Теперь — от запахов. Они обрушиваются на меня раньше, чем я открываю глаза: дерево стен, пыль в солнечном луче, хвоя за окном, дым из кухни, хлеб — свежий, только из печи — и мясо, и травы, и кофе.

И — два запаха. Ближе. На подушке, на простыне, на моей коже.

Дым и хвоя. Нагретое дерево и мёд.

Открываю глаза.

Демьян — справа. Спит. На животе, одна рука — под подушкой, другая — на моём бедре. Лицо — расслабленное, мягкое. Без хмурых бровей, без сжатой челюсти. Во сне он — младше. Моложе. Тот мальчик у окна, который наконец перестал ждать, потому что дождался.

Матвей — слева. Не спит. Лежит на боку, голова — на согнутой руке, и смотрит на меня. Серые глаза — ясные, тихие, полные того, что я теперь чувствую без слов.

— Доброе утро, — говорит он. Шёпотом. Чтобы не разбудить брата.

— Доброе, — шепчу я.

— Как ты себя чувствуешь?

Прислушиваюсь к себе. Тело — болит. Всё. Каждая мыш-

ца, каждый сустав, каждая кость. Как будто меня разобрали на части и собрали заново. Что, в общем-то, правда.

Но.

Под болью — сила. Новая, незнакомая, гудящая, как провод под напряжением. Я чувствую собственное тело иначе — острее, точнее. Чувствую, как сердце толкает кровь, как лёгкие расправляются с каждым вдохом, как мышцы — даже уставшие — готовы двигаться, бежать, прыгать.

И зверь. Волчица. Она — не отдельно. Она — я. Как правая рука: не думаешь о ней, но она есть, и она работает, и она — часть.

— Живая, — отвечаю я. — Больная, голодная и живая.

Матвей улыбается. Протягивает руку. Убирает волосы с моего лица — медленно, бережно, кончиками пальцев. И от его прикосновения — через метку, через завершённую связь — волна тепла. Мягкая. Как утреннее солнце.

— Я могу к этому привыкнуть, — говорю.

— К чему?

— Просыпаться так.

Демьян — не спит. Не знаю, когда проснулся. Может, и не спал вовсе. Его рука на моём бедре — сжимается. Не больно. Собственнически.

— Привыкнешь, — говорит он. Голос — хриплый от сна. Низкий. Вибрация проходит через моё тело — от бедра к позвоночнику. — Каждое утро. До конца жизни.

— Это угроза или обещание?

— Обещание, — говорит он. Открывает глаза. Тёмные. Горящие. — Я не угрожаю своим.

Своим. Слово оседает на коже, как поцелуй. Я — своя. Их. И они — мои.

— Завтрак, — говорю я. — Сейчас. Или я съем кого-нибудь из вас.

Демьян ухмыляется. Матвей закатывает глаза. Метка — тёплая, спокойная, довольная — пульсирует ровно, как третье сердце.

Встаю. Тело протестует — каждое движение отзывается тупой болью. Но я встаю. Иду к двери. И чувствую — спиной, кожей, волчицей — как они оба смотрят мне вслед.

С любовью. С голодом. С обещанием.

До конца жизни.

Завтрак — грандиозный.

Ольга Дмитриевна превзошла себя. Стол — тот самый, длинный, дубовый — заставлен целиком. Мясо — варёное, жареное, тушёное. Рыба. Пироги. Каша. Яйца. Хлеб — три вида. Мёд. Творог. Молоко.

И люди.

Весь клан — за столом. Все, кто был на поляне. Егор с сестрой — не чинит, просто сидит, ест. Никита — молодой, румяный, улыбающийся. Женщины. Мужчины. Дети — Таня сидит на коленях у пожилой женщины и болтает ногами.

Кира — напротив. Смотрит на меня. Подмигивает.

Я сажусь. Между Демьяном и Матвеем. Где моё место.

И ем.

Боже, как я ем. Мясо — много, жадно, быстро. Зверь — волчица — одобряет: да. Ещё. Больше. Тело перестраивается, ему нужна энергия, белок, калории. Я съедаю столько, сколько обычно ем за три дня.

Ольга Дмитриевна — сияет. Подкладывает. Подливает. Бормочет: «Наконец-то. Наконец-то нормально ест. А то — кожа да кости, кожа да кости...»

Демьян ест рядом — так же много, так же жадно. Наши локти сталкиваются. Он не извиняется — просто двигается ближе. Его бедро — вдоль моего. Горячее. Тяжёлое.

Матвей — слева — ест аккуратнее. Но тоже много. И его рука — под столом — лежит на моём колене. Спокойно. Естественно. Как будто так было всегда.

Я сижу между ними, набитая мясом и хлебом, в чужой одежде, с болящими мышцами и волчицей под рёбрами, — и думаю: вот он. Тот момент, которого не было никогда. За всю мою жизнь — ни разу.

Утро. Стол. Семья.

Дом.

После завтрака Матвей уводит меня в библиотеку.

— Нам нужно поговорить, — говорит он. Серьёзный. Альфа-серьёзный.

— О чём?

— О том, что дальше.

Сажусь в кресло. То самое. Он — в своё, напротив. Меж-

ду нами — стол с книгами, картами, старыми документами. Утренний свет падает через окно, и пыль танцует в лучах.

— Связь завершена, — говорит он. — Ритуал прошёл. Ты — часть клана. Часть стаи. Часть... нас.

— Но?

Он чуть улыбается.

— Ты хорошо меня изучила.

— Я тебя чувствую, Матвей. Буквально. Ты тревожишься. — Показываю на грудь. — Вот здесь.

Он кивает. Проводит рукой по лицу — жест усталости, который я видела уже десяток раз.

— Клан признал тебя. Стая — приняла. Но за пределами нашего леса — другие кланы. И не все будут... рады.

— Почему?

— Потому что ты — полукровка. Первая за триста лет, прошедшая полный ритуал. Первая, чей зверь проснулся полностью. Для одних это — чудо. Для других — угроза.

— Угроза чему?

— Порядку. Традиции. Чистоте крови. — Он произносит последние два слова с отвращением. — Есть кланы, которые считают полукровок... ошибкой. Которые убивают полукровок при рождении.

Тишина. Холодная, тяжёлая.

— Убивают, — повторяю я.

— Да. И когда они узнают о тебе — а узнают, это вопрос дней — они захотят убедиться, что ты... не опасна. Или —

убрать опасность.

— Убить меня.

— Возможно. — Он не отводит глаз. — Я не говорю это, чтобы напугать. Я говорю, чтобы ты знала. Чтобы мы — вместе — были готовы.

Откидываюсь в кресле. Волчица внутри поднимает голову. Не испуганно — настороженно. Как зверь, который чувствует опасность, но не бежит. Готовится.

— Какие кланы? — спрашиваю.

— Северный. Самый крупный. Самый... радикальный. Их глава — Ярослав. Старый волк. Жестокий. Он ненавидел Мирославу — твою мать — за то, что она была с человеком. Когда узнал, что она беременна, — требовал от нашего клана выдать её.

— Отец отказал?

— Отец спрятал её. Потом — отправил к людям. Может быть... — Матвей замолкает. — Может быть, поэтому. Не только из страха за роды. Из страха за тебя. Ярослав убил бы тебя, Мира.

Мирослава, — поправляет волчица внутри.

— Мирослава, — говорю я вслух.

Матвей моргает.

— Что?

— Моё имя. На ритуале — я назвала его. Мирослава. Это... это моё имя. Настоящее.

Он смотрит на меня. Долго. И я чувствую через связь

— волну чего-то огромного, тёплого. Не любовь — глубже.
Признание.

— Мирослава, — повторяет он. Как будто пробует на вкус. — Мирослава.

— Мира — тоже я. Двадцать три года. Не отказываюсь.
Но зверь — знает другое имя.

— Мирослава. — Третий голос. Из двери.

Демьян. Стоит, прислонившись к косяку. Руки скрещены на груди. Лицо — спокойное. Но глаза — горят.

— Красивое имя, — говорит он. — Мир и слава.

— Или «славящая мир», — добавляет Матвей. Мягко.

— Или «та, чей мир — слава», — говорит Демьян.

Смотрю на них обоих. На двух братьев, которые впервые — не спорят. Не тянут меня в разные стороны. Стоят — вместе. За меня.

— Ярослав, — говорю я. — Расскажите всё. Сколько у него людей. Какая территория. Какие слабости. Всё.

Матвей и Демьян переглядываются. Тот самый молчаливый разговор — но теперь я в нём. Чувствую: удивление (Матвей), одобрение (Демьян), решимость (оба).

— Садись, — говорю Демьяну.

Он садится. Третье кресло — у окна. Треугольник. Мы — треугольник. Равносторонний.

И Матвей начинает рассказывать.

Северный клан. Триста волков. Территория — от Ураль-ского хребта до Белого моря. Старый клан, древний, могу-

щественный. Ярослав — глава уже сорок лет. Альфа из альф. Почти два метра ростом, седой, с глазами цвета льда. Волк — белый, огромный, с шрамом через всю морду.

— Он верит в чистоту крови, — говорит Матвей. — Для него полукровки — оскорбление. Загрязнение линии. Угроза выживанию вида. Он... — Пауза. — Он не безумен. В этом проблема. Он — рационален. Холодно, расчётливо рационален. Он убеждён, что смешение с людьми ослабляет волков. И у него есть аргументы.

— Какие?

— Полукровки — нестабильны. Не все проходят обращение. Многие — погибают. Те, кто выживает, — часто слабее чистокровных. Зверь — неуправляемый, дикий. Ярослав использует это как доказательство: смешение — деградация.

— Но я прошла обращение, — говорю я. — Полностью.

— Именно, — говорит Демьян. — И именно поэтому ты — опасна для него. Ты — опровержение. Живое доказательство, что он неправ. Что полукровки могут быть сильными. Что его теория — чушь.

— А для фанатика нет ничего страшнее, чем опровержение, — заканчиваю я.

— Быстро учишься, — говорит Демьян. Почти с нежностью.

— Сколько у нас времени? — спрашиваю.

— Дни, — говорит Матвей. — Может, неделя. Ритуал под полной луной — это... событие. Другие кланы почувствова-

ли. Связь между стаями — не через метку, через землю. Через лес. Когда новый волк рождается — лес знает.

— Лес знает, — повторяю я. — Серьёзно?

— Добро пожаловать в мир, где деревья разговаривают, — говорит Демьян. — Привыкнешь.

— Значит, Ярослав уже знает.

— Знает, что в нашем клане — новый волк. Пока не знает — кто. Когда узнает... — Матвей не заканчивает.

Не нужно. Я чувствую через связь, что он думает. Варианты. Сценарии. Вероятности. Его мозг — машина, которая просчитывает на двадцать ходов вперёд.

— Варианты? — спрашиваю.

— Три. Первый: Ярослав пришлёт разведку. Убедится, что новый волк — не угроза. Уйдёт. Маловероятно, но возможно.

— Второй?

— Дипломатия. Потребуется встречу. Переговоры. Попытается навязать свои условия — изгнание, подчинение, что-нибудь унижительное. Более вероятно.

— Третий?

Матвей молчит. Демьян — нет.

— Война, — говорит он. Просто. Как «завтрак» или «дождь». — Он придёт с волками. Потребуется тебя. Мы откажем. Он нападёт.

— Триста волков, — говорю я. — Сколько у нас?

— Восемьдесят семь, — отвечает Матвей. — Считая тебя.

Тишина.

— Ну, — говорю я. — Весело.

Демьян фыркает. Матвей — качает головой, но уголок губ — дрогнул.

— Мне нужно научиться, — говорю я. — Всё. Обращение по команде. Контроль зверя. Бой. Сколько у нас времени — столько и учусь. Каждый день.

— Мира...

— Я — волчица. Вы оба это видели. Так относитесь соответственно.

Демьян — широко, по-волчьи — улыбается. Зубы блестя.

— Я люблю эту женщину, — говорит он. Матвею. Обо мне. Как будто меня нет в комнате.

— Я тоже, — отвечает Матвей. Так же — Демьяну, обо мне. Спокойно, как факт.

Они оба говорят это впервые. Вслух. Друг другу.

Метка — вспыхивает. Тепло — от макушки до пяток.

— Хватит, — говорю я. Но улыбаюсь. Не могу не улыбаться. — Тренировка. Сейчас. Кто учит?

— Я, — говорят оба. Одновременно. Смотрят друг на друга.

— Оба, — решаю я. — Демьян — бой. Матвей — контроль. По очереди. Начинаем через час.

Встаю. Иду к двери.

— Мирослава, — зовёт Матвей.

Оборачиваюсь.

— Ты — невероятная, — говорит он. Тихо. Серьёзно. Без улыбки.

— Знаю, — отвечаю я. — Час. Поляна. Не опаздывайте.

И выхожу. За спиной — два сердцебиения. Быстрых. Горячих. Моих.

Тренировка — ад.

Прекрасный, мучительный, звериный ад.

Матвей учит контролю. Обращение — по команде, осознанно, без боли (ладно, с болью, но управляемой). Первые три попытки — провал. Тело не слушается. Зверь рвётся — весь или ничего — и я падаю на траву, полуобращённая: одна рука — человеческая, другая — лапа. Морда — волчья, а ноги — мои.

— Не дави, — говорит Матвей. — Не заставляй. Попроси.

— Я прошу!

— Ты приказываешь. Зверь — не подчинённый. Он — ты. Ты не приказываешь своей руке двигаться. Ты — двигаешь.

Четвёртая попытка. Пятая. Шестая.

На седьмой — получается. Обращение — полное, от начала до конца — за двенадцать секунд. Больно. Но я стою на четырёх лапах и дышу, и мир — чёткий, яркий, звенящий — вокруг.

— Хорошо, — говорит Матвей. — Обратно.

Обратно — сложнее. Зверь не хочет уходить. Ему нравится — свобода, запахи, сила. Зачем возвращаться в слабое че-

ловеческое тело?

— Потому что мне нужны руки, — говорю зверю. — И слова. И одежда. Ты же не хочешь ходить голой перед всем кланом?

Волчица фыркает. Ей всё равно. Но — отступает. Обратное обращение — десять секунд.

— Быстро, — одобряет Матвей. — Очень быстро для первого дня.

Демьян учит бою.

Это — другое. Не контроль. Хаос. Управляемый, целенаправленный, звериный хаос.

— В волчьей форме забудь всё, что знаешь о драке, — говорит он. — Нет кулаков. Нет ног. Есть зубы, когти, вес и скорость. Четыре оружия. Используй все.

Он обращается — чёрный волк, огромный, с горящими глазами — и атакует. Не в полную силу — я чувствую через метку, что он сдерживается. Но даже так — мне хватает.

Он сбивает меня с лап одним движением. Я лечу на землю, перекатываюсь, вскакиваю. Он — уже рядом. Зубы — у моего горла. Не кусает. Обозначает.

Мертва, — передаёт через связь.

Рычу. Злюсь. Волчица внутри — ярится. Не от боли — от унижения.

— Ещё, — рычу я.

Ещё. И ещё. И ещё.

К концу дня — десять спаррингов. Девять поражений. Од-

на ничья — я увернулась от его броска и зацепила когтями бок. Царапина. Но — первая.

Демьян обращается обратно. Смотрит на царапину на рёбрах — тонкую, розовую — и улыбается.

— Завтра будет две, — говорит он.

— Завтра будет пять, — отвечаю я.

— Вот за это я тебя и люблю.

Второй раз. Вслух. Просто — как дышать. Он говорит «люблю» как другие говорят «привет». Без надрыва, без пафоса. Факт.

И я — я, которая никогда не говорила этого слова, которая строила стены двадцать три года, которая боялась привязанности как чумы — я чувствую, как что-то внутри сдвигается. Тектоническая плита, которая стояла неподвижно всю мою жизнь, — сдвигается на миллиметр.

— Я тоже, — говорю я. Тихо. Так тихо, что без волчьего слуха не услышать.

Но он — слышит.

И его глаза — тёмные, дикие, звериные — на одну секунду становятся мягкими. Как у того мальчика у окна.

Потом — снова жёсткими. Потому что Демьян. Потому что иначе не умеет.

Но я видела. И он знает, что я видела.

Хватит.

Ночь. Кровать. Трое.

Это становится нашим ритуалом — другим, не звериным.

Человеческим. Каждый вечер — кровать, три тела, тепло. Демьян — справа, горячий как печка, тяжёлый, собственнический. Матвей — слева, мягкий, бережный, ровный.

Я — посередине. Где мне быть.

Сегодня — иначе. Тренировка вымотала тело, но не голову. Я лежу и думаю. О Ярославе. О войне. О восьмидесяти семи волках против трёхсот.

— Не спишь, — говорит Матвей. Не вопрос. Утверждение. Он чувствует через связь.

— Думаю.

— О Ярославе?

— О том, как выжить.

Демьян рядом — не спит тоже. Его рука на моём животе — тяжёлая, тёплая — чуть сжимается.

— Есть идея, — говорит он. В темноту. В потолок.

— Какая?

— Другие кланы. Не все разделяют взгляды Ярослава. Есть Южный клан — они лояльнее. Есть Западный — нейтральный, но договороспособный. Если мы найдём союзников...

— ...Ярослав не рискнёт атаковать, — заканчивает Матвей. — Он рационален. Он не нападёт, если знает, что проигрывает.

— Союзники, — говорю я. — Как?

— Встречи. Переговоры. Демонстрация силы. — Матвей.

— Показать им тебя. Полукровку, которая прошла ритуал и

выжила. Которая обращается за двенадцать секунд на первый день. Которая — не ошибка. А будущее.

— Меня? — Приподнимаюсь на локте. — Ты хочешь использовать меня как... доказательство?

— Не использовать. — Матвей садится. В темноте его глаза — серебристые, как у волка. — Представить. Ты — аргумент, Мирослава. Живой аргумент против всего, во что верит Ярослав. Если другие кланы увидят тебя — увидят, что полукровка может быть сильной, стабильной, контролируемой — они задумаются. А задумавшийся союзник лучше, чем слепой враг.

— Или слепой друг, — добавляет Демьян.

Ложусь обратно. Смотрю в потолок. Волчица внутри ворочается — не тревожно, задумчиво. Она тоже взвешивает.

— Ладно, — говорю я. — Но я — не витрина. Если еду — еду как равная. Не как экспонат.

— Как равная, — подтверждает Матвей.

— И я хочу знать всё. Каждый клан. Каждого главу. Историю, политику, слабости. Всё, что ты знаешь — я должна знать.

— Завтра, — говорит Матвей. — Начнём завтра.

— Сегодня, — говорю я.

— Сейчас три часа ночи.

— И?

Демьян — смеётся. Тихо, в подушку. Его тело содрогается рядом с моим.

— Она тебя сожрёт, братишка, — говорит он. — И меня. Обоих. Заживо.

— Завтра, — повторяет Матвей. Твёрдо. Альфа-тоном. — Спи. Тебе нужно восстановиться. Тело ещё перестраивается.

Хочу спорить. Волчица — рычит, не любит приказов. Но тело — предаёт. Мышцы ноют. Глаза слипаются. Зевок — широкий, с клыками, которые чуть длиннее, чем были вчера.

— Ладно, — сдаюсь. — Завтра. Но в шесть утра.

— В семь.

— В шесть тридцать.

— Договорились, — и Матвей ложится обратно. Его рука возвращается на мою талию. Губы — на моём виске. Лёгкое касание. Почти не поцелуй. Почти.

— Спи, зверь, — шепчет Демьян. Мне или волчице — не знаю. Может, обеим.

Засыпаю.

Следующие четыре дня — размыты. Не потому что неважны. Потому что каждый час забит до предела, и дни сливаются в один непрерывный поток: тренировка, учёба, тренировка, еда, тренировка, сон.

Утро — Матвей. Контроль. Обращение — полное, частичное, мгновенное. К третьему дню я обращаюсь за семь секунд. К четвёртому — за четыре. Матвей говорит, что это ненормально. Что чистокровные волки учатся месяцами. Что я...

— Аномалия, — говорит он. Не с тревогой. С восхище-

нием.

— Может, полукровки просто быстрее учатся, — говорю я. — Потому что нам есть что доказывать.

Он смотрит на меня — и я чувствую через связь, как мысль — новая, неожиданная — вспыхивает в его голове. Он записывает. В ту самую тетрадь, где хроники, переводы, исследования. Записывает — про меня. Про полукровок. Про будущее.

День — Демьян. Бой. Каждый спарринг — жёстче предыдущего. Он не жалеет меня, и я ему за это благодарна. Синяки — каждый день новые. Царапины — тоже. Но и мои удары — точнее. Сильнее. К четвёртому дню я сбиваю его с лап. Один раз. На две секунды. Он вскакивает — глаза жёлтые, волчьи — и скалится. Не злобно. Гордо.

— Пять, — говорит он. — Обещала пять царапин в первый день. Получилось шесть. За четыре.

— Я перевыполняю план.

— Ты — чудовище. — Нежно. — Моё чудовище.

Вечер — Матвей. Библиотека. Политика.

Я учу кланы как таблицу умножения.

Северный — Ярослав. Триста волков. Чистокровные фанатики. Враги.

Южный — Дарина. Двести волков. Более открытые. Принимают полукровок, хоть и с оговорками. Потенциальные союзники.

Западный — Борис. Сто пятьдесят волков. Нейтральные.

Торговцы. Их интересует выгода, не идеология. Договороспособные — если предложить правильную цену.

Восточный — разрозненный. Нет единого клана. Мелкие стаи, кочевники. Непредсказуемые. Могут примкнуть к кому угодно — или ни к кому.

— Дарина, — говорю я на третий вечер. — Начинаем с неё. Южный клан. Женщина-глава — значит, она знает, каково быть «неправильной» в мире альф-мужчин. Она поймёт.

Матвей смотрит на меня поверх книги. Медленно кивает.

— Я планировал начать с Бориса, — говорит он. — Западный — безопаснее. Нейтральнее.

— Безопаснее — не значит эффективнее. Борис пойдёт за большинством. Если мы сначала заручимся поддержкой Дарины — Борис присоединится автоматически. Он торговец. Он пойдёт туда, где выгоднее. А выгоднее — на стороне большинства.

Тишина.

— Когда ты успела стать стратегом? — спрашивает Демьян из угла, где он точит нож и делает вид, что не слушает.

— Я всю жизнь выживала, — отвечаю. — Стратегия — это просто выживание с большим количеством переменных.

Матвей закрывает книгу. Откладывает.

— Дарина, — говорит он. — Хорошо. Дарина.

Пятый день. Утро.

Кира находит меня у озера. Я сижу на берегу — босая,

ноги в воде — и слушаю. Всё. Мир звучит иначе после обращения. Каждый лист, каждая капля, каждое насекомое — голос. Симфония, которую я слышала всю жизнь как отдалённый гул, а теперь — как музыку.

— Уезжаешь? — спрашивает Кира. Садится рядом. Тоже босая. Ноги — в воду.

— Откуда знаешь?

— Весь клан знает. Волки — худшие хранители секретов.

— Да. Южный клан. Дарина.

— Дарина — жёсткая сука, — говорит Кира. Без злости. С уважением. — Я встречала её дважды. На общих сходах. Она... не простая.

— Расскажи.

Кира вытягивает ноги в воде. Щурится на солнце.

— Ей шестьдесят. Выглядит на сорок — волчья кровь. Была парой Андрея, главы Южного клана. Он погиб — десять лет назад, территориальная стычка с Северными. Дарина взяла клан. Не по праву крови — по праву силы. Вышла на поляну, вызвала трёх претендентов и положила всех. Трёх. За десять минут.

— Положила?

— Не убила. Но покалечила достаточно, чтобы больше никто не спорил. — Кира усмехается. — Она — боец. Настоящий. И политик. Она ненавидит Ярослава. Лично. Он убил её пару.

— Территориальная стычка...

— Была спровоцирована Северными. Все это знают. Доказательств — нет. Но Дарина знает. И ждёт.

— Чего?

— Момент. Повода. Силы. Она не нападёт первой — слишком умна. Но если кто-то даст ей повод объединиться против Ярослава...

— Мы даём повод.

— Вы даёте повод.

Смотрю на озеро. Волчица внутри — спокойна. Уверена. Она чувствует: это — правильный путь. Не безопасный. Правильный.

— Кира, — говорю я. — Поедешь с нами?

Она оборачивается. Удивлённая. По-настоящему удивлённая — впервые вижу на её лице эту эмоцию.

— Зачем?

— Потому что ты знаешь Дарину. Потому что ты — полукровка, как я. Потому что две полукровки — аргумент сильнее, чем одна. И потому что ты — мой друг.

Последнее слово — новое. Между нами. Непроизнесённое до сих пор.

Кира смотрит на меня. Долго. Зелёные глаза — влажные. Она моргает. Резко. Отворачивается.

— Чёрт, — говорит она. — Чёрт. Ладно. Да. Поеду.

— Спасибо.

— Перестань благодарить. Это раздражает.

Но улыбается. Криво, неловко, как человек, который ра-

зучился это делать и вспоминает заново.

Сидим у озера. Бок о бок. Две полукровки, две волчицы, два упрямых существа, которые нашли друг друга в мире, который не знал, куда их деть.

И молчим. Потому что иногда молчание — лучшее, что можно подарить.

Вечер пятого дня. Сборы.

Ольга Дмитриевна — в режиме стихийного бедствия. Носится по дому, пакует еду, одежду, одеяла. Как будто мы уезжаем на год, а не на три дня.

— Мясо, — бормочет она, заталкивая в сумку очередной свёрток. — Хлеб. Чай. Мёд. Сало — обязательно сало, Демьян без сала не человек...

— Я и с салом не особо человек, — говорит Демьян, проходя мимо.

— Не остри. Возьми одеяла из кладовой. Толстые. Ночи холодные.

— Мы — волки. Нам не холодно.

— Возьми одеяла, я сказала.

Демьян берёт одеяла. Без возражений. Ольга Дмитриевна — единственное существо на свете, которому он подчиняется без вопросов.

Матвей — в библиотеке. Собирает документы. Карты территорий, хроники, что-то ещё — я вижу краем глаза свитки, которые выглядят старше, чем дом.

— Что это? — спрашиваю.

— Договоры. Между кланами. Старые, но действующие.
— Он разворачивает один. — Вот. Договор о ненападении между нашим кланом и Южным. Подписан тридцать лет назад. Григорием и Андреем.

— Отцом и мужем Дарины.

— Да. Юридически — всё ещё действует. Но юридически — слабое основание для союза. Нужно новое соглашение. Более... глубокое.

— Какое?

Он молчит. Складывает свитки. Убирает в кожаный тубус.

— Матвей.

— Кровный союз, — говорит он. Не глядя на меня. — Обмен волками. Один из нашего клана уходит к ним. Один из их — к нам. На время. Как залог доверия.

— Заложник.

— Гость.

— Заложник.

— ...Да. По сути — заложник. Но звучит лучше.

— И кого мы отправим?

Он поднимает голову. Смотрит на меня. И я чувствую через связь — прежде чем он произносит слово — ответ.

— Нет, — говорю я.

— Мирослава...

— Нет. Я не буду заложницей. Ни у кого. Никогда. Найди другой способ.

— Это единственный способ, который Дарина примет.

Она — не глупа. Она не поверит словам. Ей нужна гарантия. Живая гарантия.

— Тогда я поеду как переговорщик. Не как заложник. Разница — в том, что я уеду, когда захочу.

— Дарина может не согласиться...

— Тогда я её убежу. — Встаю. Подхожу к нему. Беру за подбородок — жест, который подсмотрела у Демьяна — и поворачиваю его лицо к себе. — Послушай меня. Я провела двадцать три года в системе, где меня передавали из рук в руки, как вещь. Из семьи в семью. Из приюта в приют. Я. Не. Буду. Вещью. Больше. Никогда.

Он смотрит на меня. Снизу вверх — непривычный ракурс для альфы. И я чувствую через связь — не обиду, не злость. Стыд. Тихий, горький. Он не подумал. Он — стратег, шахматист, человек, который видит фигуры на доске — не подумал, что фигура — живая. Что у фигуры — история. Что для неё слово «заложник» — не политический термин, а шрам.

— Прости, — говорит он. Просто. Без оговорок.

— Принято. Другой план.

— Другой план, — соглашается он. И я вижу — как переключается что-то в его голове. Как шахматист убирает одну комбинацию и начинает другую. — Не заложник. Посол. Ты едешь как голос клана. С полномочиями. С правом решать.

— Лучше.

— И я еду с тобой. И Демьян. И Кира.

— Вчетвером?

— Вчетвером. Маленькая делегация. Достаточно сильная, чтобы показать серьёзность. Достаточно маленькая, чтобы не выглядеть угрозой.

— А клан?

— Егор останется за старшего. Он — опытный. И Велес...

— Матвей замолкает. — Велес сам по себе — армия. Если Ярослав нападёт, пока нас нет, — Велес его встретит.

— Кто он вообще такой? — спрашиваю я. Вопрос, который мучил меня с первого дня. — Велес. Он — не обычный волк. Я чувствую. Волчица чувствует. Он — другое.

— Он — хранитель, — говорит Матвей. — Старый. Очень старый. Никто не знает, сколько ему лет. Он был здесь, когда мой дед был ребёнком. И до деда. И до его деда.

— Это невозможно.

— Многое из того, что ты видела за последнюю неделю, невозможно. — Улыбка. — Велес — хранитель леса. Территории. Он привязан к земле, а не к клану. Клань приходят и уходят. Велес — остаётся.

— Бессмертный?

— Не бессмертный. Просто... долгий. Он говорит — «я живу, пока лес живёт». Может, метафора. Может, нет.

Может, нет. В мире, где люди становятся волками, а деревья передают новости, — может, нет.

— Ладно, — говорю я. — Утром выезжаем. Вчетвером. К Дарине.

— Утром.

Выхожу из библиотеки. В коридоре — Демьян. Прислонился к стене. Ждёт. Слышал всё — конечно, слышал, волчий слух.

— Заложник, — говорит он. Низко. Опасно. — Он предложил тебя — заложником.

— Он извинился. Не раздувай.

— Я не раздуваю. Я запоминаю. — Его глаза — тёмные, горящие. — Если кто-нибудь — когда-нибудь — попытается обращаться с тобой как с вещью — я вырву ему горло.

— Демьян.

— Зубами.

— Демьян.

— Медленно.

— Демьян!

Он замолкает. Смотрит на меня. Я — на него. Между нами — полтора метра и двадцать пять лет его ярости, которую он не умеет выражать иначе.

Подхожу. Кладу ладонь ему на грудь. Туда, где сердце. Оно бьётся — быстро, яростно, как кулак о стену. Как у его отца. Как у мальчика, который решил: если я буду сильным — никто не будет плакать.

— Он не хотел обидеть, — говорю я. Тихо. Только ему. — Он думал как стратег. Забыл подумать как человек. Это — его слабость. Как твоя слабость — бить, прежде чем говорить.

Его сердце — под моей ладонью — замедляется. Удар.

Удар. Удар. Медленнее. Ровнее.

— Я знаю, — говорит он. Хрипло. — Я знаю. Просто...

— Просто ты боишься, что меня заберут.

Тишина. Его глаза — мокрые. Быстро моргает. Отворачивается.

— Да, — говорит он. В стену. — Боюсь.

— Не заберут.

— Откуда ты...

— Потому что я — не вещь, которую забирают. Я — волчица, которая выбирает. И я выбрала. Вас. Обоих. Навсегда. Помнишь?

Он оборачивается. Смотрит на меня. И медленно, как тектоническая плита, — наклоняется. Его лоб — на моём. Его дыхание — на моих губах. Его руки — на моих плечах. Тяжёлые. Горячие.

Стоим так. В тёмном коридоре. Лоб ко лбу. И метка между нами — тёплая, живая, пульсирующая — поёт. Тихо. Как колыбельная.

— Навсегда, — шепчет он.

— Навсегда, — шепчу я.

И в этот раз слово не пугает. Не давит. Не обязывает. Держит.

Той ночью — последней перед отъездом — я не сплю.

Лежу между ними — Демьян справа, Матвей слева, два сердца, два дыхания, два мира — и смотрю в потолок.

Волчица — бодрствует тоже. Но не тревожно. Она лежит

внутри меня — свернувшись, тёплая, сильная — и ждёт. Как зверь перед охотой. Спокойная готовность.

Я думаю о матери.

Мирослава. Та, первая. Которая жила в этой комнате. Спала в этой кровати. Смотрела в это окно на тот же лес, на ту же луну.

Которая любила. Которую прогнали — из любви, из страха, из глупости. Которая ушла и не вернулась.

Я вернулась, — думаю я. За нас обеих. Я — здесь. И я — не уйду.

Волчица внутри поднимает голову. Слушает. И — я чувствую это — соглашается. Не словами. Чувством. Глубоким, древним, звериным.

Мы — здесь. Мы — не уйдём.

Демьян во сне — поворачивается. Его рука находит мою. Сжимает. Не просыпаясь. Инстинкт. Волчий.

Матвей — тоже во сне — придвигается ближе. Его дыхание — на моём плече. Ровное. Спокойное. Впервые за долгое время — без тревоги.

Три тела. Одна кровать. Одна связь.

Завтра мы поедem к Дарине. Завтра начнётся новая глава — политика, союзы, враги. Завтра мир станет сложнее, опаснее, больше.

Но сегодня — ночь. Тишина. Тепло. И два сердца, которые бьются рядом с моим.

Закрываю глаза.

Засыпаю.

И снова — сон. Лес. Луна. Три волка — чёрный, серебристый и серебристо-чёрный — бегут. Вместе. Плечом к плечу. И впереди — не тьма.

Свет.

Глава 11. «Если мы начнём... то не остановимся»

Дорога к Южному клану — два дня пути.

Можно быстрее — в волчьей форме, через лес, напрямик. Но Матвей настаивает: едем на машине. Человеческим путём. По дороге, через посёлки, как обычные люди.

— Зачем? — спрашивает Демьян, закидывая сумки в багажник чёрного внедорожника, который выглядит так, будто пережил войну. — Волками — быстрее.

— Четыре волка, бегущие через чужую территорию — это вторжение, — отвечает Матвей. — Четверо людей в машине — визит вежливости.

— Волки не ездят на «визиты вежливости».

— Именно поэтому мы поедem на машине.

Демьян ворчит, но садится за руль. Матвей — рядом. Мы с Кирой — сзади.

Кира — собранная, молчаливая. Волосы убраны в тугой хвост. Одежда — практичная, тёмная. Она похожа на солдата перед операцией.

— Нервничаешь? — спрашиваю.

— Нет, — говорит она. Пауза. — Да.

— Почему?

— Последний раз, когда я была на территории Южного

клана, мне было шестнадцать. Общий сход. Один из волков Дарины назвал меня... — Она замолкает. Желваки на скулах. — Словом, которое я не буду повторять. Я сломала ему челюсть.

— И?

— И Дарина — лично — велела меня выпороть. За нарушение гостевого права. Десять ударов. Ремнём. Перед всем сходом.

Тишина в машине. Даже мотор, кажется, притих.

— Сколько тебе было? — спрашиваю.

— Шестнадцать.

— А тому волку?

— Тридцать восемь.

— И она выпорола шестнадцатилетнюю девочку за то, что та ответила взрослому мужику, который её оскорбил?

— Гостевое право, — говорит Кира. Ровно. Слишком ровно. — Гость не имеет права поднимать руку на хозяина. Неважно, что хозяин сказал.

— А хозяин имеет право оскорблять гостя?

— Формально — нет. Но формально и неформально — разные вещи. Особенно когда ты — полукровка, а он — чистокровный.

Демьян — за рулём — молчит. Но его руки на руле — белые. Костяшки побелели от сжатия. Через связь я чувствую его ярость — ровную, тихую, контролируемую. Не взрыв. Тлеющие угли.

— Я поговорю с Дариной, — говорю я. — Об этом.

— Не надо, — быстро говорит Кира. — Это было семь лет назад. Неважно.

— Важно. Если мы строим союз — строим на уважении. Не на старых обидах, которые никто не исправил. — Поворачиваюсь к ней. — Ты заслуживаешь извинения. И ты его получишь.

Кира смотрит на меня. Долго. Зелёные глаза — удивлённые, недоверчивые, мокрые. Она моргает. Отворачивается к окну.

— Упрямая дура, — говорит она. Тихо. С нежностью.

— Спасибо.

Едем.

Территория Южного клана начинается за рекой.

Я чувствую это раньше, чем вижу. Волчица внутри — настораживается. Шерсть — которой нет в человеческой форме, но я всё равно чувствую — встаёт дыбом. Чужой запах. Чужая земля. Чужие волки.

Граница — невидимая для людей, но для нас — как стена. Запах — метки, десятки, сотни. Каждое дерево, каждый камень — помечены. «Наше. Не входи.»

Демьян останавливает машину. Мы выходим.

Лес — другой. Не хвойный, как наш. Лиственный. Берёзы, дубы, клёны. Светлее. Теплее. Пахнет — мёдом и полынью.

— Ждём, — говорит Матвей.

Ждём.

Пять минут. Десять. Волчица внутри ворочается — не нравится стоять на чужой территории, открытыми, уязвимыми. Хочет обратиться. Хочет быть готовой.

Подожди, — говорю ей. *Скоро.*

Через пятнадцать минут — из леса выходят трое. Двое мужчин, одна женщина. Молодые, жилистые, настороженные. Глаза — жёлтые. Пограничный патруль.

— Матвей Григорьевич, — говорит старший. Не вопрос — утверждение. Он знает, кто мы. — Дарина Александровна ждёт. Но не сегодня. Завтра. Утром. Вам выделено место для ночлега. У реки. Не пересекайте вторую метку.

Коротко. Официально. Без враждебности — но и без тепла.

— Благодарим, — отвечает Матвей. Таким же тоном.

Патруль уходит. Растворяется в деревьях. Мы — едем к реке.

Место — красивое. Поляна у излучины, окружённая старыми ивами. Вода — тёмная, спокойная, пахнет тиной и рыбой. Небо — закатное, розово-золотое.

Ставим лагерь. Демьян разводит костёр — быстро, привычно. Матвей раскладывает еду. Кира — проверяет периметр, по привычке.

Ужин — тихий. Мясо, хлеб, чай из термоса Ольги Дмитриевны. Едим молча. Каждый — в своих мыслях. Завтра — Дарина. Завтра — начинается настоящая игра.

После ужина Кира встаёт.

— Я — на другой берег, — говорит она. — Патруль. Хочу знать, сколько их и где.

— Кира, — говорит Матвей. — Не нарушай...

— Вторую метку, да, я слышала. Я — на нашей стороне. Просто послушаю. Нюх и уши — не нарушение.

Она уходит. Быстро, бесшумно. Мелькнула между ивами — и нет её.

И мы — одни. Втроём. У костра.

Некоторое время — молчим. Огонь потрескивает. Река шуршит. Ветер гладит ивы.

Потом Демьян говорит:

— Завтра будет тяжело.

— Да, — соглашается Матвей.

— Сегодня — нет.

И он смотрит на меня. Не так, как обычно — не тёмно, не хищно. Иначе. Открыто. Без брони. Без скалящейся ухмылки, без сжатой челюсти. Просто — мужчина, который смотрит на женщину, которую любит, и хочет её, и не прячет этого.

Метка — вспыхивает. Не болью — жаром. Глубоким, тягучим, медленным. Он растекается от ключицы вниз, по рёбрам, по животу, ниже. Волчица внутри — поднимает голову. Не настораживается — принимает. И одобряет.

Да, — говорит она. — *Наконец-то. Да.*

Матвей — чувствует. Конечно, чувствует. Связь — от-

крытая, полная. Он чувствует мой жар так же, как я чувствую его — волну тепла, которая поднимается в нём, ломает контроль, расшатывает фундамент.

Он закрывает глаза. Открывает. Серые радужки — темнее. Зрачки — шире.

— Мирослава, — говорит он. Тихо. Как предупреждение.

— Да? — Голос — мой, но ниже. С хрипотцой, которой раньше не было. Волчьей.

— Если мы начнём...

— То не остановимся. Знаю. — Встаю. Медленно. Чувствую их взгляды — оба, одновременно — как прикосновения. На коже, на плечах, на бёдрах. — Не хочу останавливаться.

Тишина. Костёр — трещит. Река — шуршит. Мир — ждёт.

Демьян встаёт первым. Шаг. Один. Он — передо мной. Близко. Так близко, что я чувствую жар его тела сквозь одежду. Его запах — дым, хвоя, зверь — обволакивает. Густой. Плотный. Одурачивающий.

Он не касается меня. Стоит. Смотрит сверху вниз — он выше на голову. Тёмные глаза — в моих. Зрачки — вертикальные. Волчьи.

— Скажи «нет» — и я отойду, — говорит он. Голос — хриплый. Низкий. Вибрация — в моих костях. — Скажи «нет» — и всё. Никогда не спрошу снова.

— А если скажу «да»?

— Тогда я не буду нежным.

— Я не просила нежности.

Его зрачки — расширяются. Целиком. Тёмные глаза — чёрные. Звериные. Его дыхание — рваное, горячее — на моём лице.

— Матвей, — говорю я. Не оборачиваясь. — Иди сюда.

Шаги за спиной. Его тепло — на моей спине. Его руки — на моих плечах. Лёгкие. Осторожные. Спрашивающие.

— Да, — говорю я. Обоим. Волчице. Себе. — Да.

Глава 12 "Это было романтично"

Демьян целует первым.

Не нежно — он предупреждал. Жёстко, жадно, глубоко. Его рот — горячий, с привкусом дыма и мяса, — накрывает мой, и его язык — между моих губ, и его рука — на моём затылке, в волосах, сжимает, тянет голову назад, и я — выгибаюсь, открываюсь, впускаю.

Метка — горит. Не больно. Как огонь изнутри. Каждое его прикосновение — усиленное связью, удвоенное, утроенное. Я чувствую не только его губы на своих — чувствую, как-то ему целовать меня. Его сторону. Его голод. Его двадцать пять лет одиночества, сжатые в одно прикосновение.

Матвей — сзади. Его губы — на моей шее. Там, где метка. Мягко. Медленно. Горячее дыхание на коже, потом — губы, потом — язык, и метка под его ртом пульсирует, и я чувствую двойную волну: Демьян — огонь спереди, Матвей — тепло сзади, и между ними — я, и мне — мало.

— Больше, — говорю я. В рот Демьяну. Слово — смазанное, хриплое, почти рычание.

Его руки — на моей одежде. Рывок. Пуговицы — летят. Мне плевать. Ткань — с плеч, на землю. Воздух — на кожу. Холодный. И сразу — его ладони. Горячие. Большие. Жёсткие от мозолей. На моих рёбрах, на животе, выше —

Матвей растёгивает мой бра. Пальцы — точные, аккурат-

ные, даже сейчас. Ткань — соскальзывает. Его ладони — на моей спине. Вдоль позвоночника. Медленно. Каждый позвонок — отдельное касание. Как будто читает меня. Как книгу. Как свиток.

Демьян отрывается от моих губ. Смотрит — вниз. На меня. Лунный свет — на моей коже. Его глаза — чёрные, голодные — проходят по мне, как руки. Я чув

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.